Г. И. БУЛГАКОВЪ.

ЗАВѢТЫ ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНАГО ЗОДЧЕСТВА И ИКОНОГРАФІИ.

(Къ вопросу о выкесеніи жертвенниковъ и ризницъ изъ св. алтарей въ особыя помѣщенія, объ устройствѣ жертвенниковъ узаконеннаго размѣра и формы и о размѣщеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ).

КУРСКЪ.
Епархіальная Типографія.
1910.

Пров. 1955

Перепечатано изъ Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1908-й годъ.

049
37

ЗАВѢТЫ ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНАГО ЗОДЧЕСТВА И ИКОНОГРАФІИ.

(Къ вопросу о вынесеніи жертвенниковъ и ризницъ изъ св. алтарей въ особыя помѣщенія, объ устройствѣ жертвенниковъ узаконеннаго размѣра и формы и о размѣщеніи свв. иконъ въ храмѣ и алтарѣ).

Св. апостолъ Павелъ называетъ пастырей церкви Христовой *служащими алтарю* (1. Кор. IX, 13). Въ этомъ названіи слышится призывъ св. Апостола, обращенный къ пастырямъ церкви,—призывъ къ постоянному, ревностному труду, посвященному алтарю, къ постоянной пастырской заботѣ о храмѣ Божіемъ.

Дѣятельность пастырская, одушевляемая идеей царства Божія, такъ сложна, такъ разнообразна, такъ всеобъемлюща. Сѣяніе Христовой истины въ затѣненное „печальными житейскими“ сознаніе людей, приведеніе ихъ ко Христу, принесеніе небесной оливковой вѣтви благодатной помощи Божіей въ засохшую нравственно жизнь міра, непрестанная молитва за весь міръ—это такія обязанности, которыя превращаютъ всю жизнь пастыря церкви Христовой въ одну безпредѣльную „пастырскую заботу“, по выраженію св. Григорія Двоеслова.

Но все разнообразіе пастырской дѣятельности и непосредственно близко и тѣсно связано съ храмомъ Божіимъ. Храмъ—колыбель и вѣнецъ пастырскаго молитвеннаго подвига. Храмъ—мѣсто, гдѣ наиболѣе полно

выражается основная идея церковной жизни—единеніе вѣрующихъ съ Богомъ и между собою. Храмъ—„училище благочестія“. Здѣсь по преимуществу, пастырь „стоитъ на божественной стражѣ“, „*облекшись во вся оружія Божія*“ (Ефес. VI 11). Храмъ не только „училище благочестія“, но и мѣсто религіозно-нравственнаго воспитанія—духовнаго роста въ подвигѣ молитвы и богомыслія. Но, самое главное, храмъ—мѣсто совершенія святыхъ таинствъ, особенно святѣйшей Евхаристіи. Поэтому забота о храмѣ Божіемъ „да не уничижатся божественныя тайны нерадѣніемъ“ [1])—прямая, священная обязанность пастыря церкви Христовой.

Обильны и разнообразны частные виды пастырской заботы о храмѣ Божіемъ. Сюда относятся заботы о благоговѣйномъ, истовомъ совершеніи богослуженія, о томъ, чтобы не нарушались въ храмѣ церковные богослужебные законы Типикона, Литургіаріона, Евхологіона, о томъ, чтобы не „вопли безчинные“ [2]), а „сладкопѣніе“ украшало богослужебные чины и послѣдованія, о томъ, чтобы не разсѣянность, а сосредоточенное вниманіе господствовало среди молящихся [3]) и т. под. Сюда же относится и забота о самомъ зданіи св. храма и предметахъ, находящихся въ немъ,—забота о храмѣ Божіемъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ чемъ должна выражаться эта забота? Гдѣ та главная цѣль, на которой сосредоточился бы пастырь въ своемъ попеченіи о храмѣ Божіемъ? Повидимому, это, прежде всего, та цѣль, та нужда, которая наиболѣе замѣтна, которая громче говоритъ о себѣ. Забота о чистотѣ св. храма, объ ог-

---

[1]) Учительное извѣстіе л. 494.

[2]) Типиконъ.

[3]) Постановленія Апостольскія кн. II, гл. 57.

раженіи его отъ обветшанія, отъ осквернения, забота о благолѣпіи, соотвѣтствующемъ дому Божію,—это, повидимому, ближайшая обязанность пастыря въ его попеченіи о храмѣ Божіемъ. Дѣйствительно, церковные законы такую именно заботу настойчиво заповѣдуютъ и пастырямъ и всѣмъ клирикамъ. „Въ церкви же и во алтари, и на святой трапезѣ Божіей вся чиста, цѣла, благообразна и уметена и честна да будутъ, да не уничижатся божественныя тайны нерадѣніемъ и сего смотри прилежно“.[1]) „Въ церкви же и паперти пономари также образы, стѣны, потолокъ, кровли отъ праха и паутины, землю же отъ уметій часто очищати должни суть“.[2]) Отмѣченные виды пастырской заботы о храмѣ Божіемъ,—о его чистотѣ. цѣлости, благоукрашеніи—несомнѣнно цѣнны, несомнѣнно обязательны для пастырей. Но еще болѣе цѣнна другая частная обязанность пастырской заботы о храмѣ Божіемъ,—именно, забота о соблюденіи церковныхъ законовъ относительно устройства св. храма и расположенія въ немъ священныхъ предметовъ.

Храмъ Божій есть такое зданіе, которое посвящено, по словамъ Учительнаго Извѣстія, „въ собраніе благодарственное Богу Всетворцу, въ Троицѣ Единому, и въ молитву и въ просвѣщеніе и очищеніе отъ грѣховъ“.[3]) Это—живая, полная глубокаго содержанія, идея христіанскаго храма, одушевляющая мертвыя стѣны, заставляющая бездушные камни вопіять къ христіанскому сознанію. Соотвѣтственно этой идеѣ многовѣковая практика христіанской церкви выработала опредѣлен-

---

[1]) Учительное Извѣстіе, л. 494.
[2]) Тамъ-же 522.
[3]) Тамъ-же л. 484.

ныя формы св. храма, рѣшила цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся его внѣшняго вида и это рѣшеніе передала современной православной церкви или въ формѣ писанныхъ законоположеній, или въ видѣ неписаннаго церковнаго обычая. Храмъ Божій—мѣсто посвященное Богу, посвященное „молитвѣ и просвѣщенію и очищенію отъ грѣховъ"—эта мысль лежитъ въ основѣ всѣхъ церковныхъ законовъ, относящихся къ храму Божію. Эта мысль опредѣляла постепенное развитіе богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій, являясь первоосновой богослужебнаго творчества св. церкви. Она же лежитъ въ основѣ всѣхъ церковныхъ законоположеній, касающихся устройства св. храмовъ. И потому, безчисленными, незримыми нитями связаны между собою церковныя установленія о св. храмѣ и о богослуженіи. Исполненіе послѣднихъ невозможно при нарушеніи первыхъ. Живое, одушевленное, стройное цѣлое церковнаго Устава, относящагося къ общественному богослуженію, предполагаетъ строго опредѣленное устройство св. храма и расположеніе въ немъ священныхъ предметовъ. Отсюда вполнѣ понятна исключительная важность и цѣнность разсматриваемаго вида пастырской заботы о храмѣ Божіемъ. Особенно—въ настоящее время религіозныхъ шатаній, религіознаго скептицизма, религіознаго индифферентизма, когда пастыри должны неусыпно бодрствовать, неусыпно хранить, какъ драгоцѣнное сокровище, тотъ молитвенный укладъ церковной жизни, въ которомъ одномъ найдетъ выходъ къ Невечернему Свѣту мятущаяся въ поискахъ свѣта душа.

Вотъ почему съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія можно привѣтствовать одно доброе начинаніе Курскаго миссіонерско-просвѣтительнаго Братства во имя

Знаменія Божіей Матери, начинаніе, наиболѣе близко касающееся пастырской заботы о храмѣ Божіемъ. Въ засѣданіи Совѣта Братства 12 октября 1907 г., происходившемъ при участіи о.о. благочинныхъ всей епархіи, были подняты и разсматривались слѣдующіе вопросы: а) о вынесеніи жертвенниковъ въ особую часть храма и устройствѣ ихъ узаконенныхъ формы и размѣра, б) о вынесеніи изъ св. алтарей ризницы въ особое помѣщеніе (діаконикъ) и в) о размѣщеніи свв. иконъ въ храмѣ и алтарѣ. Въ основѣ всѣхъ этихъ вопросовъ лежитъ одна, одушевляющая ихъ, идея пастырской заботы о соблюденіи церковныхъ законовъ, касающихся храмовъ Божіихъ. И потому, какъ частное выраженіе этой заботы, возбужденіе названныхъ вопросовъ, несомнѣнно, является въ высшей степени отраднымъ стремленіемъ поднять распадавшуюся церковную дѣйствительность въ направленіи нормирующаго церковную жизнь каноническаго идеала. Ближайшею задачею нижеслѣдующихъ строкъ служитъ систематическое изложеніе церковно-археологическихъ, литургическихъ и каноническихъ данныхъ для уясненія вышеупомянутыхъ вопросовъ.

I.

„Іерей же входитъ *въ сосудохранительницу* и полагаетъ честный крестъ со благовонными васильки на жертвенникъ на мисѣ“. (Типиконъ, листъ 68 на оборотѣ).

„По отпущеніи же малыя вечерни входитъ экклесіархъ со іереемъ и діакономъ и параекклисіархомъ *въ жертвенникъ* и кадитъ святый крестъ“ (Тамъ же, листъ 69).

Въ храмѣ Божіемъ во время богослуженія вниманіе всѣхъ молящихся сосредоточивается преимущественно около алтаря. Сюда направляются молитвенные

взоры мірянъ. Здѣсь сосредоточиваются священныя дѣйствія іерархіи. Около алтаря особенно должна сосредоточиваться и пастырская забота о храмѣ Божіемъ, а въ частности, и забота о соблюденіи церковныхъ законовъ, касающихся св. храма.

Каноническія постановленія вселенской церкви относительно св. алтаря немногочисленны по количеству. [1]) Но при своей немногочисленности, они вполнѣ опредѣленно выясняютъ основную мысль церковнаго законодательства объ алтарѣ, именно мысль объ исключительной святости этого мѣста, о его особенномъ назначеніи исключительно для молитвы и совершенія таинства Евхаристіи. 43 прав. Лаодикійскаго собора запрещаетъ входить въ алтарь женщинамъ, 69 правило 6 Вс. Соб. запрещаетъ входить въ алтарь всѣмъ мірянамъ, за исключеніемъ царя. „Да не будетъ же позволено приносить ко алтарю что либо иное. развѣ елей для лампады и ѳиміамъ во время св. приношенія“ читаемъ въ Апост. пр. 3, 4. 28 пр. 6 Вс. Соб. запрещаетъ вносить въ алтарь гроздія“. „Въ алтарь не подобаетъ меда и млека вносити“ 57 пр. 6 Вс. Соб.). Отмѣченная выше мысль каноническихъ постановленій вселенской церкви объ алтарѣ еще съ большею опредѣленностью раскрывается въ законоположеніяхъ, дѣйствующихъ въ Русской православной церкви. „Во алтарь же входя. говорится въ Учительномъ извѣстіи, всегда прежде главу открывъ и поклоненіе сотворивъ, вниди, и къ божественному престолу приступивъ нижайшее сотвори поклоненіе, и все, еже аще во олтари дѣеши, со всякимъ смиреніемъ и благоговѣніемъ, яко предъ лицемъ Бога ту сущаго, дѣйствуй“. [2]) „Престолъ есть сѣдалище царя Небеснаго. Су-

[1]) См. „Указатель“ въ Книгѣ Правилъ и въ Кормчей.
[2]) Учительное Извѣстіе л. 530.

діи живыхъ и мертвыхъ, на немъ же Онъ истинно сѣдитъ, и тьмы ангелъ окрестъ Его со страхомъ предстоятъ“,[1]) Итакъ, основная мысль церковнаго законодательства объ алтарѣ ясна: алтарь есть мѣсто особенно священное преимущественно предъ всѣми частями храма, посвященное молитвѣ и совершенію таинства Евхаристіи.

Рѣшительное противорѣчіе съ этою мыслью представляетъ обычная практика большинства приходскихъ храмовъ нашихъ. Въ большинствѣ этихъ храмовъ алтарь—не только мѣсто принесенія Безкровной Жертвы, не только мѣсто молитвы, но и мѣсто храненія церковнаго имущества (въ немъ помѣщаются и церковная ризница, и сосудохранилище, и церковная библіотека), мѣсто гдѣ раздѣваются священнослужители, а часто и церковнослужители, приходя къ богослуженію, гдѣ висятъ ихъ верхнія одежды. Въ алтарь послѣ паннихидъ, часто вносятся приношенія вѣрующихъ („канунъ“). Здѣсь же происходитъ и раздѣлъ подобныхъ приношеній (раздѣлъ кружки). Алтарь, кромѣ того, въ обычной практикѣ является мѣстомъ приходской канцеляріи и архива. Здѣсь хранятся метрическія книги, опись церковнаго имущества и т. под. Въ день святой Пасхи, когда священнослужители, по обычаю православной церкви, „христосуются“ съ прихожанами и получаютъ отъ нихъ красное яйцо, въ алтарѣ можно видѣть корзины, наполненныя этими приношеніями вѣрующихъ. Точно такъ-же, въ праздникъ Преображенія Господня, въ алтарь вносятся освящаемые въ этотъ день плоды.

Нѣкоторыя стороны описанной практики представляютъ очевидное нарушеніе положительныхъ канониче-

[1]) Тамъ же л. 497, ср. листъ 520.

скихъ требованій и могутъ быть устранены безъ особыхъ затрудненій. Таковы два послѣдніе описанные обычая. Но другія стороны этой практики, утвержденныя обычаемъ, не такъ ясно обнаруживаютъ свое противорѣчіе церковному законодательству, не такъ легко могутъ быть и уничтожены. Приведенныя выше церковныя законоположенія объ алтарѣ устанавливаютъ ту мысль, что алтарь есть мѣсто особенно священное, преимущественно предъ всѣми частями храма, посвященное молитвѣ и совершенію таинства Евхаристіи. А между тѣмъ клирики которые обязаны писать церковныя книги и бумаги, напримѣръ, метрическія выписи, принуждены бываютъ часто писать ихъ именно въ алтарѣ, гдѣ хранятся вышеназванныя книги. Какъ же примирить это противорѣчіе между каноническимъ требованіемъ и церковною дѣйствительностью? Далѣе, гдѣ должно хранить священные сосуды, ризницу, церковную библіотеку? Гдѣ раздѣваться священнослужителямъ, приходящимъ въ алтарь? Отмѣченная выше основная идея церковнаго законодательства относительно алтаря неизбѣжно приводитъ къ тому рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ, что алтарь, какъ мѣсто совершенія Безкровной Жертвы, не можетъ быть ни книгохранилищемъ, ни ризницею, ни сосудохранительницею, ни церковно-приходскою канцеляріею и архивомъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что строго-опредѣленнаго рѣшенія поставленныхъ вопросовъ положительное церковное законодательство не даетъ. На вопросъ, гдѣ же если не въ алтарѣ, должно находиться сосудохранилище, и ризница, и библіотека, и церковно-приходскій архивъ даетъ отвѣтъ исторія древняго церковнаго зодчества. Историческія свидѣтельства объ устройствѣ древне-христіан-

скихъ и древне-русскихъ храмовъ и сами, пережившіе рядъ вѣковъ, молчаливыя стѣны этихъ храмовъ даютъ рѣшительный отвѣтъ на поставленные выше вопросы. Данныя изъ богослужебнаго устава и литургическихъ толкованій святыхъ отцовъ и учителей церкви, равнымъ образомъ, данныя изъ исторіи русскаго церковнаго законодательства и нѣкоторыя указанія изъ дѣйствующаго права русской православной церкви подтверждаютъ и раскрываютъ названный отвѣтъ исторіи церковнаго зодчества по разсматриваемому вопросу. На основаніи упомянутыхъ церковно-археологическихъ, литургическихъ и каноническихъ данныхъ, съ полной увѣренностью можно утверждать слѣдующія положенія: а) святой алтарь, какъ мѣсто совершенія Безкровной Жертвы, въ древней церкви вселенской и русской во многихъ храмахъ не былъ ни мѣстомъ сосудохранилища, ни ризницы, ни библіотеки, ни церковнаго архива и канцеляріи; б) для всѣхъ перечисленныхъ потребностей во многихъ храмахъ древней вселенской и русской церкви устроялись особыя помѣщенія—„діаконики“; в) наряду съ особыми помѣщеніями для діаконика во многихъ изъ вышеупомянутыхъ храмовъ устроялись особыя помѣщенія для жертвенника, носившія названіе „предложенія“ (πρόθεσις); г) оба вышеназванныя особыя помѣщенія занимали въ древнихъ храмахъ болѣе или менѣе опредѣленное положеніе; д) каноническія и литургическія основанія даютъ право утверждать, что обычай древней церкви устроять особыя помѣщенія для жертвенника и діаконика имѣлъ значительную устойчивость.

А.

Вполнѣ опредѣленное историческое свидѣтельство о названномъ обычаѣ древней вселенской церкви на-

ходимъ, прежде всего, въ 57 главѣ 2 книги Постановленій апостольскихъ.[1]). „А ты, епископъ.... когда соберешь церковь Божію, то какъ бы кормчій великаго корабля, со всякимъ знаніемъ приказывай составлять собранія (для богослуженія). Прежде всего, зданіе (храмъ) да будетъ продолговато, обращено на востокъ, съ притворами (τὰ παστοφόρια) *по обѣимъ сторонамъ къ востоку*, подобное кораблю". Вполнѣ опредѣленное указаніе на особое помѣщеніе для сосудохранилища (діаконикъ) находимъ въ чинопослѣдованіи греческой литургіи св. Василія Великаго. Заключительная молитва этого чинопослѣдованія надписывается такъ: „молитва въ сосудохранилищѣ (ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ) или молитва сосудохранилища (τοῦ σκευοφυλακίου")[2]). Въ чинопослѣдованіяхъ прочихъ древнихъ литургій неоднократно встрѣчается выраженіе „въ жертвенникъ", чѣмъ указывается на жертвенникъ, какъ особое помѣщеніе въ древнихъ храмахъ[3]). Павлинъ Ноланскій, при описаніи базилики Феликса, такъ же упоминаетъ объ особыхъ помѣщеніяхъ для жертвенника и діаконика. Эти помѣщенія онъ называетъ „секретаріями" (secretarium), при чемъ одно изъ нихъ, по словамъ Павлина Ноланскаго, служило для принятія приношеній вѣрующихъ, а другое для совершенія благодарственныхъ молитвъ (una earum immolanti hostias jubilationis antistiti patet, altera post sacerdotem carasi sinu receptat orantes). Мѣсто для особыхъ помѣщеній жертвенника и діаконика епископъ Павлинъ Ноланскій указываетъ въ небольшихъ полу-

---

[1]) Постановленія апостольскія (въ русскомъ переводѣ). Казань 1864 г. стр. 89-я „Собранія древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ" С.-Петербургъ 1874 г. стр. 89-я часть I-я.

[2]) Собраніе древнихъ литургій, ч. II. стр. 78-79.

[3]) Цитированное „Собраніе др. литургій".

круглыхъ выступахъ, находившихся внутри алтарнаго углубленія по правую и по лѣвую сторону отъ средняго большого выступа (cum duabus dexter laevaque conchulis intra spatiosum sui ambitum apsis situata laxetur) [1]). Соборъ Карѳагенскій обозначаетъ эти помѣщенія для жертвенника и діаконика названіями sacrarium и gazofilacion: („приношенія раскольниковъ (dissidentum fratrum) ни въ сакраріумѣ, ни въ газофилакіонѣ да не принимаются“) [2]).

Соборъ Лаодикійскій въ 21 правилѣ упоминаетъ объ одномъ изъ разсматриваемыхъ помѣщеній, служившемъ для храненія сосудовъ и называетъ его діакономъ. О жертвенникѣ и діаконикѣ находимъ, указанія у св. Симеона Солунскаго, при чемъ оба эти помѣщенія различаются какъ между собою, такъ и отъ алтаря. „Когда по волѣ Божіей все устроится внутрь и внѣ храма, тогда святилище, т. е. алтарь ставится на востокѣ (срединѣ), предложеніе по правую сторону (смотря отъ востока къ западу), по лѣвую же сторону діаконикъ“ [3]).

Б.

Приведенныя историческія свидѣтельства объ особыхъ помѣщеніяхъ для жертвенника и діаконика получаютъ большую ясность при свѣтѣ церковно-археологическихъ данныхъ. Данныя послѣдняго рода утверждаютъ, а) прежде всего, то положеніе, что во многихъ

---

[1]) Епископъ Павлинъ Нолансκій Epistola XXXII (см. Migne Patrologiae cursus completus сар. 337; сравн. „О служеніи и чиноположеніи православныя греко-россійскія церкви“ Москва 1795 г. листъ 5-й; сравн. Проф. Красносельцевъ „Расположеніе и убранство древне-христіанскихъ храмовъ“ Правосл. Собесѣдн. 1879 г. кн. II стр. 58.

[2]) Красносельцевъ, цитован. соч· стр. 58.

[3]) Архіепископъ Веніаминъ „Новая Скрижаль“. ч. I, стр. 26 и 27.

древне-христіанскихъ храмахъ жертвенникъ и діаконикъ находились внѣ алтаря въ особыхъ помѣщеніяхъ, а затѣмъ б) опредѣляютъ и мѣстонахожденіе этихъ особыхъ помѣщеній.

На зарѣ исторической жизни христіанской церкви мѣстами богослужебныхъ собраній были особыя молитвенныя храмины [1]) въ домахъ вѣрующихъ (икосы или экусы римскихъ домовъ, особыя помѣщенія въ еврейскихъ домахъ) [2]) подземные храмы въ катакомбахъ и, наконецъ, храмы надземные [3]). Молитвенныя храмины въ домахъ древнихъ христіанъ несомнѣнно были приспособлены къ богослужебнымъ чинамъ и послѣдованіямъ, имѣли опредѣленное устройство. Такъ, въ нихъ престолъ находился на возвышенной части храмины (алтарное возвышеніе) [4]). Но, какъ храмы домашніе, названныя молитвенныя храмины не представляютъ особенно развитаго плана христіанскаго храма первенствующей церкви [5]). Катакомбные храмы были двухъ родовъ [6]): кубикулы и крипты. Это уже храмы съ болѣе развитымъ планомъ. Кубикулы это наименьшіе изъ катакомбныхъ храмовъ. Они представляютъ изъ себя небольшія комнаты, соединенныя съ катакомбнымъ корридоромъ. Крипты представляютъ соединеніе нѣсколькихъ куби-

---

[1]) Проф. Голубцовъ „Молитвенныя храмины и открытые христіанскіе храмы первыхъ трехъ вѣковъ".

[2]) Проф. Покровскій „Происхожденіе древне-христіанской базилики".

[3]) Проф. Красносельцевъ „О древней христіанск. архитектурѣ" Правосл. Собесѣдникъ 1874 г. кн. 3.

[4]) Правосл. Обозрѣніе 1882 г. ч. II стр. 371 Голубинскій „Исторія алтарной преграды".

[5]) Красносельцевъ цит. соч. Правосл. Собесѣд. 1874. III, 277.

[6]) Тамъ-же. Проф. Покровскій указываетъ еще третій видъ катакомбныхъ храмовъ: капеллы или базилики см. „Очерки памятниковъ христ. иконографіи".

кулъ. Самою замѣчательною [1]) изъ числа извѣстныхъ въ наукѣ является крипта св. Агнессы, находящаяся въ Римскихъ катакомбахъ и открытая въ 1842 году [2]). Планъ ея таковъ. Она представляетъ соединеніе двухъ большихъ комнатъ [3]), пересѣкаемыхъ катакомбнымъ коридоромъ. Въ передней ея части находится алтарь (presbiterium), въ глубинѣ котораго помѣщается ниша, абсидъ, вырытая въ стѣнѣ. Съ противоположною алтарю частью крипты соединены два особыхъ помѣщенія для кающихся и оглашенныхъ. Останавливаясь на устройствѣ алтаря въ криптѣ св. Агнессы, находимъ слѣдующее. Въ алтарной нишѣ крипты находился тронъ или каѳедра епископа (θρόνος), по правую и по лѣвую сторону отъ него мѣста для пресвитеровъ (σύνθρονος). По срединѣ алтаря находился св. престолъ. Отъ средней части храма алтарь отдѣлялся двумя столбами, вытесанными изъ туфа—почвы катакомбъ—и оштукатуренными. Столбы алтарные соединялись рѣшеткой (transenna). Ни жертвенника, ни сосудохранилища въ алтарѣ, очевидно, не было. Въ средней части крипты, недалеко отъ алтаря находятся двѣ ниши въ стѣнахъ по правую и лѣвую сторону крипты. По мнѣнію западныхъ ученыхъ, это мѣста для статуй. Болѣе основательно другое предположеніе—именно, что это мѣсто храненія священныхъ сосудовъ и другихъ священныхъ предметовъ.

Храмы, подобные описанной криптѣ римскихъ катакомбъ, существуютъ и въ другихъ катакомбахъ. Такова подземная церковь св. Януарія въ неаполитанскихъ ка-

---

[1]) Красносельцевъ, цит. соч.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Собственно, крипта состоитъ изъ пяти кубикулъ, но коридоромъ раздѣляется на двѣ комнаты см. проф. Красносельцевъ цит. соч. стр. 287.

такомбахъ. Церковь эта обширнѣе крипты св. Агнессы, но по своему устройству сходна съ ней.[1]) „Въ передней ея части находится алтарь или пресвитеріумъ такого же устройства, какъ и въ римской криптѣ. Престолъ находится посреди̇нѣ алтаря; сзади его ниша и въ ней сѣдалище епископа. Отъ остальной части храма алтарь отдѣленъ здѣсь явственнѣе двумя массивными столбами... Въ передней части боковыхъ стѣнъ корабля устроены одна противъ другой двѣ прямоугольныя ниши“...[2]) Подобнымъ же образомъ устроены алтари въ храмахъ древнихъ катакомбъ каппадокійскихъ. напримѣръ въ катакомбахъ близъ Кесаріи Каппадокійской въ горахъ Арге.[3]) Изложенныя свѣдѣнія объ устройствѣ въ древнихъ катакомбныхъ храмахъ св. алтаря даютъ. повидимому. право утверждать, что въ этихъ храмахъ алтарь не былъ мѣстомъ, гдѣ помѣщался жертвенникъ и діаконикъ. Болѣе опредѣленныя данныя въ пользу такого утвержденія находимъ въ устройствѣ надземныхъ древне-христіанскихъ храмовъ.

Господствующею формою древне-христіанскихъ храмовъ была базилика, наиболѣе близко осуществлявшая взглядъ на храмъ, какъ образъ корабля, взглядъ, высказанный въ приведенныхъ выше словахъ Постановленій Апостольскихъ. Наиболѣе замѣчательными представителями древне-христіанской базилики, построенными до и во время св. Равноапостольнаго Константина Великаго, являются слѣдующіе храмы, а) въ Римѣ: базилика св. Петра, построенная въ 330 г. и существовавшая въ первоначальномъ видѣ до XV в., Латеранская базилика

[1]) Проф. Красносельцевъ. цит. соч.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ же.

св, Іоанна Предтечи, освященная въ 324 г., базилика св. Павла—конца 4 в., базилика св. Креста и св. Пуденціаны (объ времени Константина Великаго), базилика св. Маріи великой (352 года), базилика св. Сабины (начала V в.) и др. б) въ Равеннѣ базилики: Santa Agata, San Francesco u San Giovani Evangelisto (417, 425, 430 годовъ), св. Аполлинарія и св. Ѳеодора (нѣсколько позднѣе). Извѣстны такъ же базилики въ Марсели и Венеціи, а также базилика, описанная Григоріемъ Турскимъ и базилика Феликса, описанная Павлиномъ Ноланскимъ. Изъ древнихъ восточныхъ базиликъ до нашего времени сохранилась только одна и то въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, именно, Виѳлеемская базилика надъ пещерой Рождества Христова. Изъ другихъ восточныхъ базиликъ, двѣ извѣстны наукѣ, благодаря описаніямъ Евсевія Кесарійскаго: базилика Тирская, (311 г.) построенная Павлиномъ Ноланскимъ на на мѣстѣ другой еще болѣе древней базилики, разрушенной во время Діоклетіанова гоненія, и базилика Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Къ числу другихъ восточныхъ базиликъ—болѣе поздняго времени—относятся хорошо извѣстныя въ наукѣ двѣ базилики, сохранившіяся въ Ѳссалоникѣ: базилика св. Димитрія Солунскаго и другая—извѣстная подъ именемъ „Эски-Джума“ по гречески „св. Парасковія“ (объ начала V в.) Затѣмъ, къ числу болѣе или менѣе сохранившихся и извѣстныхъ памятниковъ восточной архитектуры базиличнаго типа относятся: церковь Іоанна Студита въ студійскомъ монастырѣ въ Константинополѣ (463 г.) и базилика въ Синайскомъ монастырѣ. Наконецъ, извѣстны памятники христіанскихъ базиликъ въ Сѣверной Африкѣ—15 хра

мовъ,—въ Алжиріи, Киренаикѣ, Каирѣ—и въ Сиріи [1]) (въ Алеппо, Гассѣ и др.)

Упомянутые представители древне-христіанскихъ храмовъ базиличнаго типа, отличаясь одинъ отъ другого нѣкоторыми частными особенностями, „обусловленными мѣстными традиціями“ [2]) въ общемъ представляютъ осуществленіе одного архитектурнаго плана—плана базилики. Базилика, прежде всего, осуществляетъ въ своемъ планѣ основное требованіе устройства христіанскаго храма—его трехчастный составъ. Св. Григорій Неокесарійскій въ 12 каноническомъ правилѣ говоритъ объ устройствѣ христіанскаго храма слѣдующее: „внутренность его раздѣлялась на нѣсколько частей соотвѣтственно дѣленію вѣрующихъ на различные классы. Первою частью былъ алтарь (θυσιαστήριον). Здѣсь ставился престолъ епископа, а по обѣимъ сторонамъ его сѣдалища пресвитеровъ. Во второй части храма помѣщались міряне—отдѣльно мужчины и отдѣльно женщины. Третью часть составлялъ притворъ, гдѣ внутри вратъ храма, стояли оглашенные и кающіеся.“ Осуществляя это основное требованіе относительно устройства христіанскаго храма, базилики имѣли различныя болѣе частныя особенности своего устройства. Не останавливаясь на этихъ особенностяхъ, характеризующихъ базиличный стиль христіанскихъ храмовъ, обратимся къ устройству въ базиликахъ св. алтаря. Въ общемъ планѣ базилики, состоящей изъ трехъ обычныхъ частей христіанскаго храма, существенную принадлежность составляетъ абсидъ. Абсидъ—это углубленіе во внутреннѣйшей части бази-

---

[1]) См. проф. Красносельцевъ. „Христіанскіе храмы до образованія визант. стиля“. Прав. Собесѣд. 1878 г.

[2]) Какъ въ африканскихъ базиликахъ; см. Прав. Собесѣд. 1787 г. кн. II стр. 338.

лики, выступающее изъ общаго квадратнаго очертанія зданія въ видѣ полукруга или четырехъ-уголника.[1]) Абсидъ —необходимая часть до—христіанской (т. наз. „нормальной“) базилики.[2]) Необходимую часть онъ составляетъ и въ христіанской базиликѣ, какъ мѣсто, гдѣ находился обычно алтарь. Устройство алтарнаго абсида въ древне христіанскихъ базиликахъ не одинаково: иногда въ базиликѣ есть только одинъ абсидъ, иногда ихъ три, а иногда пять. По размѣру алтарные абсиды иногда одинаковы, иногда средній больше всѣхъ крайнихъ. Средній абсидъ во всѣхъ базиликахъ является мѣстомъ для св. алтаря. Крайніе абсиды въ большинствѣ случаевъ служатъ въ базиликахъ особыми помѣщеніями для жертвенника и діаконика.

Почти всѣ сирійскія базилики, наиболѣе сходныя по своему устройству съ западными, имѣютъ „полукруглый абсидъ съ двумя отдѣленіями по бокамъ для діаконика и жертвенника“.[3])

Замѣчательна по устройству абсида Виѳлеемская базилика надъ пещерой Рождества Христова. Здѣсь абсидъ „устроенъ такъ, что сначала сдѣланъ не глубокій, но симметричный прямоугольный выступъ въ ширину трехъ среднихъ кораблей, взятыхъ вмѣстѣ, а потомъ въ задней стѣнѣ этого выступа сдѣланъ новый полукруглый—прямо противъ средняго корабля въ ширину его“.[4]) Очевидно, абсидъ Виѳлеемской базилики близокъ къ устройству тѣхъ базиликъ, которыя имѣли три абсида, причемъ крайніе абсиды служили особыми помѣщеніями для жертвенника и діаконика.

---

[1]) См. Покровскаго. Происхожденіе др.—христ. базилики.
[2]) Правосл. Собесѣдн. 1878 г. II. 382.
[3]) Правосл. Собесѣдн. 1878 г. II. 381—382.
[4]) Тамъ-же стр. 362.

Въ базиликѣ св. Сабины (V в.) „кромѣ главнаго абсида, есть еще другой въ правомъ боковомъ кораблѣ на концѣ его, а на лѣвой сторонѣ абсида находится боковой хоръ". [1])

Три абсида указываются Павлиномъ Ноланскимъ въ описываемой имъ базиликѣ Феликса, [2]) при чемъ крайніе абсиды опредѣляются, какъ особыя помѣщенія для жертвенника и діаконика. Особыя помѣщенія для жертвенника и діаконика были такъ-же въ древней базиликѣ Маріи великой въ Римѣ и въ базиликѣ Гервасія и Протасія въ Миланѣ. [3])

На ряду съ базилико-образными извѣстны древніе христіанскіе храмы центрическаго плана, имѣющіе видъ круга (ротондообразные), полигона (восмиугольника, десятиугольника), или квадрата. Древнѣйшими представителями этого типа христіанскихъ храмовъ являются: церковь Марцеллина и Петра на дорогѣ Лавиніанской, въ трехъ миляхъ отъ Рима, построенная Равноапостольнымъ Константиномъ Великимъ въ качествѣ усыпальницы для св. Елены [4]) и церковь св. Георгія въ Солуни (не позднѣе IV вѣка [5]). Къ числу древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ центрическаго плана относится осмиугольный храмъ св. Виталія въ Равеннѣ, [6]) церковь San. Constanza въ Римѣ—мѣсто крещенія сестры и дочери св. царя Константина, церковь въ Ноцерѣ близъ Неаполя—s. Maria Maggiore (8-го вѣка), церковь въ Іераполисѣ въ Малой Азіи, [7]) церковь св. Михаила на Анаплѣ въ

---

[1]) Тамъ-же стр. 359.
[2]) Прав. Собесѣдн. 1879 г. II, 60.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Красносельцевъ. Расположен. и убранст. др.—христ. храмовъ. Прав. Собесѣдн. 1879 г. ср. 1878 г. III, стр. 44.
[5]) Прав. Собесѣд. 1878 г. III, стр. 52.
[6]) Тамъ-же 59.
[7]) Тамъ-же.

Константинополѣ [1]). Замѣчателенъ восмиугольный храмъ въ Антіохіи, постройка котораго была начата при Константинѣ Великомъ, а окончена при его преемникѣ Констанціи. Въ этой церкви говорилъ свои поученія св. Іоаннъ Златоустъ и она послужила образцомъ для многихъ древнихъ-христіанскихъ храмовъ (напр. св. Виталія въ Равеннѣ).

Устройство древнихъ центрическихъ храмовъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на разсматриваемый вопросъ. Такое именно значеніе имѣетъ храмъ св. Виталія въ Равеннѣ (построенный въ 526—547 г.). „Храмъ св. Виталія восмиугольный и состоитъ, какъ и другіе подобные храмы, изъ двухъ частей: изъ средняго возвышеннаго пространства, покрытаго куполомъ и осмискатной кровлей и изъ обхода, поясообразно окружающаго это пространство и покрытаго особой кровлей... Внизу всѣ стороны внутренняго восмиугольника расширены полукругами, которые ограничены колоннами, за исключеніемъ восточной стороны. Здѣсь промежутокъ между столбами (поставленными по угламъ восмиугольника) свободенъ, такъ какъ далѣе слѣдуетъ алтарь, занимающій прилежащую часть обхода и, затѣмъ, значительно выдающійся наружу фигурою, имѣющею видъ половины шестиугольника. По бокамъ этого полигоннаго абсида пристроены двѣ круглыя капеллы съ прямоугольными абсидами“ [2]). Такимъ образомъ устройство алтарной части храма св. Виталія представляетъ историческій примѣръ тройного алтарнаго абсида, т. е. такого, при которомъ жертвенникъ и діаконикъ находятся не въ алтарѣ, а въ особыхъ помѣщеніяхъ. Таково же устрой-

[1]) Стр. 54.
[2]) Прав. Собесѣдн. 1878 г. II, 52.

ство алтарнаго абсида въ древнемъ храмѣ св. Аполлинарія и мн. др. [1]).

На ряду съ базилико-образными и центрическими храмами первыхъ пяти вѣковъ, извѣстны храмы смѣшаннаго плана, т. е. такого въ которомъ соединены особенности и базилики и центрическихъ храмовъ и который легъ въ основу византійскаго стиля церковной архитектуры, канонизованнаго въ православной Русской церкви [2]). Къ храмамъ этого плана относятся, прежде всего, храмы крестообразные [3]). Такую форму имѣлъ храмъ надъ колодеземъ, при которомъ Спаситель бесѣдовалъ съ Самарянкою въ нынѣшнемъ Наплузѣ [4]), храмъ въ честь св. Апостоловъ, построенный Константиномъ Великимъ, храмъ, построенный св. Григоріемъ Нисскимъ, храмъ св. Симеона Столпника и др. [5]). Къ числу храмовъ смѣшаннаго плана относятся базилики съ купольнымъ покрытіемъ. Таковы: церковь св. Николая въ Мирахъ Ликійскихъ (V в.) и близкая къ ней по устройству церковь св. Климента въ Анкирѣ [6]). Относительно устройства алтаря въ церкви св. Николая Чудотворца извѣстны слѣдующія данныя. „Древняя алтарная преграда изъ четырехъ колоннъ воздвигнута по линіи купола надъ большою алтарною аркою; за нею стоятъ еще четыре колонны, расположенныя квадратомъ, какъ тѣ, которыя поддерживаютъ напрестольную сѣнь; здѣсь то почивали мощи св. Николая и надъ ни-

---

[1]) Пр. Соб. 1879 г. II. 60.

[2]) Пр. Соб. 1878 г. II. 363.

[3]) Тамъ-же.

[4]) О немъ свидѣтельств. бл. Іеронимъ, см. тамъ же.

[5]) Тамъ-же.

[6]) Тамъ-же.

ми возвышался серебрянный киворій [1]). Раздѣленіе описаннаго алтаря колоннами на три части даетъ возможность предполагать въ крайнихъ частяхъ алтаря выдѣленныя помѣщенія жертвенника и діаконика.

Храмы смѣшаннаго плана въ основныхъ чертахъ своего устройства уже осуществили общую схему *византійскаго* архитектурнаго стиля. Прототипомъ всѣхъ храмовъ этого стиля является св. Софія Цареградская, построенная Юстиніаномъ въ 532—537 г. Насажденіе христіанства на Руси ознаменовалось на первыхъ же порахъ сооруженіемъ въ противоположныхъ концахъ русскаго государства двухъ величественныхъ храмовъ, носящихъ тоже названіе, что и „великолѣпный“ храмъ Юстиніана. Эти храмы,—Софія Новгородская и Софія Кіевская. Уже самое названіе этихъ храмовъ, а еще болѣе національность зодчихъ, производившихъ построеніе этихъ храмовъ, ясно говорятъ объ ихъ архитектурномъ родствѣ съ константинопольскимъ храмомъ св. Софіи. Такъ-же близки къ этому храму по своему архитектурному плану и другія древнѣйшія церкви Божіи Руси Православной: Кіево-Михайловскій златоверхій монастырь, Великая церковь Кіево-Печерской лавры, церковь Спаса на Берестовѣ—въ Кіевѣ, церковь Спаса въ Нередицахъ—въ Новгородѣ (1198 г.), церковь с. Николы въ Липнѣ (около Новгорода), XIII в. [2]), церковь св, Георгія въ Старо-Ладожской Рюриковой крѣпости и мн. др. Относительно всѣхъ упомянутыхъ храмовъ, равно какъ и всѣхъ вообще древнѣйшихъ храмовъ византійскаго стиля, съ полной увѣ-

[1]) Проф. Красносельцевъ „Христ. храмы со врем. Константина до образованія византійскаго стиля“.

[2]) См. Архіепископъ Макарій (Булгаковъ) „Описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ“ М. 1880 сравн. „Русскія и Христіанскія древности“ Прохорова.

ренностью можно высказать слѣдующее положеніе: во всѣхъ этихъ храмахъ трехчастный составъ алтарнаго абсида, за рѣдкими исключеніями, является существенною особенностью. Таковъ именно алтарь въ св. Софіи Цареградской, въ св. Софіи Солунской [1]) въ св. Софіи Кіевской, въ св. Софіи Новгородской [2]), въ Великой церкви Кіево-Печерской Лавры и т. д. „Планъ (вышеупомянутой) Спасо-Нередицкой церкви чисто греческій, говоритъ одинъ авторитетный изслѣдователь церковной археологіи *съ тремя выдающимися алтарными частями.* Средній алтарь высокій до самой крыши церкви, а два другіе отдѣла его по сторонамъ—небольшіе, въ половину ниже противъ средняго„. [3]) Таково же (т. е. трехсчастное) устройство св. алтаря въ Большомъ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и во мн. друг. древнихъ храмахъ православной восточной и Русской церкви. А при такомъ устройствѣ алтарной части храма жертвенникъ и сосудохранилище (діаконикъ) находятся не въ алтарѣ, а въ особыхъ помѣщеніяхъ по правою и по лѣвую сторону отъ алтаря.

Всѣ почти перечисленные храмы византійскаго стиля обширны по размѣру, величественны по своему внѣшнему виду, обильны украшеніями, словомъ, это храмы выдающіеся среди другихъ. Поэтому возможно такое предположеніе, что въ другихъ храмахъ, хотя бы и византійскаго стиля, нельзя уже найти описаннаго устройства св. алтаря. Но такое предположеніе рѣшительно опровергается церковно-археологическими памятниками. Пишущему эти строки пришлось наблюдать одинъ изъ древнѣйшихъ православныхъ храмовъ чисто византійскаго стиля, далеко

---

[1]) Прохоровъ, цитов. соч 1901 г. кн. 6.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же стр. 19.

не обширный по размѣрамъ и далеко не богатый по украшеніямъ. Это—храмъ на могилѣ св. апостола Симона Кананита въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ, близъ г. Сухума, на Кавказѣ. Храмъ этотъ относится по своему происхожденію къ древнѣйшимъ временамъ христіанства. Послѣдняя реставрація этого храма (до современнаго его возстановленія) относится къ царствованію Алексѣя Комнена—къ XI—XII в.

По своимъ размѣрамъ храмъ—не болѣе самой обыкновенной сельской церкви. Тѣмъ не менѣе, устройство св. алтаря въ этомъ храмѣ вполнѣ оправдываетъ высказанное выше положеніе о существенной особенности византійскаго архитектурнаго стиля—трехчастномъ составѣ алтарнаго абсида. „Устройство храма, говоритъ о немъ одинъ изслѣдователь, совершенно греческое—съ тройнымъ раздѣленіемъ алтаря (и, прибавимъ, съ тремя окнами въ каждой стѣнѣ въ символъ троичности) и полукружіемъ горнаго мѣста“. [1])

В.

Изложенныя церковно-археологическія данныя обосновываютъ, прежде всего, то положеніе, что во многихъ древнихъ храмахъ христіанской церкви жертвенникъ и діаконикъ находились не въ алтарѣ, а въ особыхъ помѣщеніяхъ внѣ алтаря, а также устанавливаютъ и наиболѣе обычное мѣсто для жертвенника и діаконика—въ крайнихъ отдѣленіяхъ трехчастнаго алтарнаго абсида. Мѣстонахожденіе жертвенника и діаконика по правую и по лѣвую сторону средняго алтарнаго абсида устанавливается единогласно и древними литургистами—св. отцами церкви (напр. Св. Симеономъ Со-

[1]) И. Н. „Абхазія“.

лунскимъ [1]), и современными учеными изслѣдователями. Въ церковно-археологическомъ „словарѣ“ Мартиньи мѣсто для діаконика указывается въ лѣвомъ отъ алтарнаго средняго абсида (а если стоять къ нему лицомъ въ правомъ) абсидѣ [2]). Въ томъ же словарѣ – подъ словомъ prothesè (πρόθεσις предложеніе, жертвенникъ) сказано, что жертвенникъ находится направо отъ алтаря (placé à la droite du bêma—βῆμα,) а діаконикъ—на противоположной сторонѣ [3]).

Но такое положеніе особыхъ помѣщеній для жертвенника и діаконика не было строго опредѣленнымъ въ древне-христіанскихъ храмахъ какъ видно изъ приводимыхъ ниже соображеній. Напротивъ, жертвенникъ и діаконикъ не всегда помѣщались въ крайнихъ отдѣленіяхъ алтарнаго абсида, а занимали часто и другія мѣста въ древне-христіанскихъ храмахъ.

Въ частности, относительно мѣстонахожденія жертвенника и діаконика въ древне-христіанскихъ храмахъ нужно сказать слѣдующее:

а) Въ большинствѣ случаевъ, эти особыя помѣщенія, дѣйствительно, находятся въ крайнихъ отдѣленіяхъ алтарнаго абсида. Таково ихъ мѣстонахожденіе въ упомянутыхъ базиликообразныхъ храмахъ съ тремя и болѣе алтарными абсидами и въ храмахъ византійскаго стиля.

б) Въ тѣхъ древнихъ храмахъ, гдѣ алтарный абсидъ не отличался обширными размѣрами или совершенно не выдавался изъ общихъ очертаній храма, осо-

---

[1]) Архіепископъ Веніаминъ, „Новая Скрижаль“ ч. I, стр. 27.

[2]) Мартиньи „Dictionnaire des antiquités chrétiennes.“ Paris. 1877 г. р. 97.

[3]) Тамъ-же р. 687.

быя помѣщенія для жертвенника и діаконика, естественно, не имѣли мѣста въ алтарномъ абсидѣ. Въ такомъ случаѣ они помѣщались въ соотвѣтствующихъ конечныхъ частяхъ боковыхъ кораблей храма. Примѣръ такого именно положенія жертвенника и діаконика представляетъ базилика св. Димитрія въ Солуни. „Главная особенность устройства этой базилики заключается въ положеніи поперечнаго корабля или транзепта. Концы этого пространства представляютъ собою, какъ бы особыя помѣщенія, они отдѣлены отъ остального пространства колоннами; полъ въ нихъ приподнятъ на одну ступень, высота ихъ одинакова съ среднимъ кораблемъ". [1])

в). Положеніе, подобное описанному жертвенникъ и діаконикъ занимали и въ томъ случаѣ, когда алтарь занималъ собою не только абсидъ, гдѣ помѣщалась только каѳедра епископа, но и транзептъ (или поперечный корабль храма) или часть средняго корабля (нефа), если не было транзепта. Въ такихъ случаяхъ концы транзепта или концы боковыхъ нефовъ сосѣдніе съ алтаремъ, оказывались очень удобными помѣщеніями для жертвенника и діаконика. [2]) Примѣрами могутъ служить базилики: Маріи великой въ Римѣ, Гервасія и Протасія въ Миланѣ и др. [3])

г) Относительно сосудохранилища извѣстно еще одно, совершенно особенное помѣщеніе его въ древнехристіанскихъ храмахъ. Въ одной древней солунской базиликѣ (V в.), не имѣвшей „боковыхъ отдѣленій по сторонамъ алтаря", [4]) сосудохранилище помѣщалось въ

---

[1]) Проф. Красносельцевъ. Прав. Собесѣдн. 1878 г. II 387 стр.

[2]) Пр.в. Собесѣдн. 1879 г. II, 60.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Прав. Собесѣдн. 1878 г. II, 380.

концѣ лѣваго бокового корабля“, [1]) т. е. совершенно независимо отъ мѣста нахожденія жертвенника, не параллельно помѣщенію жертвенника, въ „небольшомъ полукругломъ выступѣ“. [2])

д) Наконецъ, извѣстно помѣщеніе сосудохранилища въ западной части древне-христіанскихъ храмовъ. Такое положеніе сосудохранилище занимало въ Іерусалимской базиликѣ Константина. Здѣсь скевофилакія находилась въ атріумѣ, [3]) т. е. въ западной части храма.

Таковы церковно-археологическія данныя по вопросу о мѣстонахожденіи особыхъ помѣщеній для жертвенника и діаконика въ древне-христіанскихъ храмахъ.

Г.

Дальнѣйшею задачею въ раскрытіи разсматриваемаго вопроса служитъ уясненіе ближайшаго назначенія особыхъ помѣщеній для жертвенника и діаконика.

Назначеніе особаго помѣщенія для жертвенника опредѣляется вполнѣ точно данными каноническаго характера. Въ этомъ помѣщеніи, принимались приношенія отъ вѣрныхъ (Собор. 4 Карѳаг. правило 93), пріуготовлялись сосуды, Евангеліе и прочія потребности для священнослуженія (Собор. Лаодикійск. пр. 31.). Сосуды приносили діаконы, а прочее иподіаконы (Постан. Апостольск. кн. 2, гл. 57. [4])

Названіе этого помѣщенія (πρόθεσις, oblationarium, gazofilacion [5]) а такъ-же литургическія свѣдѣнія о совершеніи проскомидіи восполняютъ приведенныя свѣдѣнія

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Профессоръ А. А. Дмитріевскій „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицы во св. Іерусалимѣ IX и X вв.“ стр. 394.

[4]) О служеніи и чиноположеніи православной греко-россійской церкви л. 5-й.

[5]) Мартиньи цит. соч. р. 97

о назначеніи особаго помѣщенія для жертвенника. (См. Ап. Пост. кн. 8 гл. 14).

Болѣе сложно назначеніе діаконика. Это особое помѣщеніе древне-христіанскихъ храмовъ носило различныя наименованія: діаконикъ (21 пр. Лаод. соб.). сакраріумъ (Соб. Карѳ. 4-й пр. 93.), секретаріумъ (Павлинъ Ноланскій), пастофорія (Апост. Постанов.). Въ большихъ и богатыхъ церквахъ помѣщеніе это отличалось особою обширностью и состояло изъ нѣсколькихъ частей,—иногда изъ двухъ, иногда изъ трехъ. „Первая изъ нихъ называлась salutatorium—здѣсь клирики собирались передъ началомъ богослуженія; вторая diaconicum, mutatorium или vestarium—здѣсь клирики одѣвались въ священныя одежды; третья scevofilacium—хранилище церковной утвари и драгоцѣнностей". [1]) Иногда діаконики имѣли такіе значительные размѣры, что въ нихъ могли происходить соборы. Такъ одинъ, изъ карѳагенскихъ соборовъ происходилъ въ sacrarium'ѣ базилики Фавста. [2])

Если объединить перечисленныя названія діаконика, то на основаніи ихъ можно уяснить ближайшее назначеніе этого особаго помѣщенія древнихъ христіанскихъ храмовъ. Именно,—діаконики были мѣстомъ храненія священныхъ сосудовъ, ризницы, церковнаго архива и канцеляріи (secretarium), мѣстомъ, гдѣ собирались клирики предъ началомъ богослуженія и гдѣ слѣдовательно, они раздѣвались [3]) и гдѣ висѣли ихъ верхнія одежды, мѣстомъ

[1]) Проф. Красносельцевъ. „Расположеніе и убранство древнехрист. храмовъ Прав. Собесѣдн. 1879 г. 60 стр.

[2]) Тамъ-же, стр. 59.

[3]) Мартиньи о назначеніи діаконика говоритъ слѣдующее: „On désingnait sous ce nom dans les anciennes basiliques, un lieu, pres de l'autel, ou les diacres preparaient les vases et les ornements sacres qui devaient servir au sacrifice. C'etait la que les ministres s'habillaient et se deshabillaient". Цит. cor. стр. 244.

облаченія священнослужителей и, наконецъ, мѣстомъ совѣщанія клириковъ по дѣламъ церковнымъ (примѣръ Карѳагенскаго собора). Діаконикъ, кромѣ того, былъ и мѣстомъ храненія церковныхъ книгъ, иначе мѣстомъ гдѣ находилась церковная библіотека. [1])

Д.

Раскрываемое на основаніи историческихъ свидѣтельствъ и церковно-археологическихъ данныхъ положеніе о необходимости вынесенія жертвенниковъ и діаконниковъ изъ алтаря въ особыя помѣщенія имѣетъ для себя твердыя основанія литургическаго характера. Основанія эти заключаются, во первыхъ, въ святоотеческихъ объясненіяхъ символическаго значенія отдѣльныхъ частей храма и, во вторыхъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ требованіяхъ богослужебнаго Устава православной христіанской церкви, а) Наиболѣе извѣстными изъ литургическихъ твореній св. отцовъ и учителей церкви являются слѣдующія: „Тайноводственныя поученія“ св. Кирилла Іерусалимскаго. „Тайноводство“ св. Германа Цареградскаго, „Послѣдовательное изложеніе церковныхъ службъ и обрядовъ и таинственное умозрѣніе о значеніи ихъ“ св. Симеона Солунскаго. „Разговоръ о священнодѣйствіяхъ“ Николая, архіепископа Солунскаго и др. [2]) Въ твореніяхъ этихъ усвояется особое знаменованіе алтарю и особое жертвеннику и тѣмъ оттѣняется различіе между этими частями храма. „Олтарь есть престолъ Божій и образъ Виѳлеемскаго вертепа, иде же родися Христосъ; и паки: олтарь есть образъ вертепа, идеже погребенъ бысть Христосъ... Жертвенникъ есть мѣсто креста, на

[1]) „О служеніи и чинополож. прав. греко-рос. церкви“ листъ 5 и § 25.

[2]) См. Писанія св. отцовъ и уч. церк. относящіяся къ исполн. богослуженія.

немъ же источи (Господь) кровь и воду". [1]) На этомъ толкованіи св. Германа Цареградскаго обосновали отцы Стоглаваго собора 1551 г. свое постановленіе о вынесеніи жертвенника и діаконика („кутейника") въ особыя помѣщенія внѣ алтаря. [2])

б) Нѣкоторыя отдѣльныя узаконенія церковнаго богослужебнаго Устава предполагаютъ особыя помѣщенія для жертвенника и діаконика. Самыми опредѣленными изъ такихъ узаконеній являются тѣ мѣста Типикона, гдѣ излагается порядокъ службы 14 сентября на праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Жертвенникъ и діаконикъ здѣсь понимаются, какъ особыя части храма. „Іерей же входитъ въ сосудохранительницу и полагаетъ честный крестъ со благовонными васильки на жертвенникъ на мисѣ". [3]) „По отпущеніи же малыя вечерни входитъ экклесіархъ съ іереемъ и діакономъ и параекклесіархомъ въ жертвенникъ и кадитъ святый крестъ". [4])

Е.

Кромѣ изложеннаго, къ разсматриваемому вопросу относятся данныя каноническаго характера,—изъ исторіи русскаго церковнаго законодательства и изъ дѣйствующаго права русской православной церкви.

Къ числу первыхъ принадлежатъ постановленія Московскаго Стоглаваго собора 1551 года.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ числѣ другихъ своихъ вопросовъ, предложилъ отцамъ Стоглаваго собора и слѣдующій—36-й вопросъ: „во святыхъ Божіихъ церквахъ о жертвенницѣ и о кутейницѣ: приносятъ боголюбцы ко святымъ церквамъ ѳиміамъ и вино церковное и свѣщи

[1]) См. у Проф. Красносельцева „толковая служба".
[2]) См. Стоглавъ, стр. 56 и 66.
[3]) Типиконъ л. 68.
[4]) Тамъ-же л. 69.

и просфиры во святый олтарь и жертвенникъ, то достоитъ ко олтарю пріобщити, а какожъ за здравіе и за упокой и на великъ день пасху, сыръ и яйца и мяса, а во иныя дни калачъ и пироги и короваи и блины и всякія овощи вносятъ здѣсь во олтарь же, а въ Новѣ градѣ и Псковѣ на то устроено кутейникъ во всякой церкви, а правила святыхъ отецъ о семъ запрещаютъ, впредь како тому достоитъ быти"?

Въ отвѣтъ на этотъ царскій вопросъ,[1]) соборъ, по разсмотрѣніи, вынесъ такое опредѣленіе: „О божественной службѣ толковой пишетъ „олтарь есть престолъ Божій и образъ Виѳлеемскаго вертепа, иде же родися Христосъ" и паки: олтарь образъ есть вертепа, иде же погребенъ бысть Христосъ"... Олтаря же малая оба полъ разлученія праведныхъ же и грѣшныхъ. Жертвенникъ за Голгофу гору есть, на ней же источи кровь свою Христосъ за спасеніе всего міра, въ него вносятся токмо священныя просфиры и вино и ѳиміамъ и божественныя книги, и прочая священныя, а отъ простого да ничтоже вносится. Другой полъ-олтаря кутейникъ зовется и въ него вносится о здравіи коливо и канонъ и прочее брашно и на Воскресеніе Христово пасха приносится, сыръ и яйца и иныя яди, яже христіаномъ повелѣно ясти, такоже и по отшедшихъ душахъ въ немъ панихиды поютъ и приносятъ кутьи и канонъ и прочее брашно, еже церковникомъ на потребу, а вселенскія панихиды поютъ среди церкви".[2]) Этимъ постановленіемъ соборъ узаконилъ въ Русской церкви особыя помѣщенія для жертвенника и діаконика.

---

[1]) Стоглавъ стр. 66.

[2]) Стоглавъ изданіе Академіи Наукъ С.-Петербургъ 1863 г. стр. 56 и 66.

Изъ дѣйствующаго права Русской церкви можно указать слѣдующія узаконенія, касающіяся жертвенника и діаконика: а) о формѣ и размѣрѣ жертвенника и о храненіи священныхъ сосудовъ въ особыхъ помѣщеніяхъ: „Жертвенникъ, т. е. столъ для приготовленія св. даровъ во время совершенія проскомидіи долженъ быть такой же вышины, какъ и престолъ, а ширины и длины по мѣрѣ алтаря". (см. чинъ освященія храма, отъ архіерея творимаго. Дополнительный требникъ. Кіевъ, 1866 г. листъ 15 на оборотѣ). б) „Напрестольныя вещи, какъ-то: евангеліе, крестъ, св. сосуды и проч. слѣдуетъ хранить въ особыхъ помѣщеніяхъ въ неприкосновенности для непосвященныхъ лицъ" (Указъ Святѣйшаго Сунода 29 мая 1838 г.). „Послѣ служенія сосудовъ и другихъ священныхъ вещей на престолѣ не оставлять, а убирать въ безопасныя мѣста. (Указъ Святѣйшаго Сунода 24 мая 1846 года).

Выводы изъ всего сказаннаго выше о жертвенникѣ и діаконикѣ, какъ особыхъ помѣщеніяхъ православнаго храма, таковы: 1) Эти особыя помѣщенія—авторитетный завѣтъ древняго церковнаго зодчества современнымъ пастырямъ церкви въ ихъ заботѣ о храмѣ Божіемъ. 2) Благоговѣніе ко св. алтарю—къ этому святому святыхъ христіанскаго храма призываетъ пастырей церкви исполнить этотъ завѣтъ древняго церковнаго зодчества.

II.

Вопросъ о вынесеніи жертвенниковъ и ризницъ изъ св. алтаря въ особыя помѣщенія имѣетъ наиболѣе опредѣленныя основанія для своего рѣшенія въ исто-

ріи древняго церковнаго зодчества. Каноническіе источники въ большинствѣ случаевъ, только упоминаютъ о жертвенникѣ и діаконикѣ, какъ особыхъ помѣщеніяхъ. Такъ напримѣръ, кромѣ отмѣченныхъ выше упоминаній каноническихъ источниковъ о жертвенникѣ, какъ особомъ помѣщеніи, говорится въ 198 ст. Номоканона при Большомъ Требникѣ—περί τοῦ χωνευτηρίου—„О горнилѣ", которая въ славянскомъ текстѣ читается такъ: „*Въ жертвенницѣ* имѣй мѣсто непопираемое, ключимое, отлученное во единомъ углѣ, да омываешися по божественной литургіи, и помытіе оное внимай да не падетъ и внѣ попрано будетъ" [1]). Исторія древняго церковнаго зодчества, какъ въ немалочисленныхъ историко-археологическихъ свидѣтельствахъ, такъ и въ живыхъ, краснорѣчивыхъ указаніяхъ сохранившихся до настоящаго времени и извѣстныхъ наукѣ церковно-архитектурныхъ памятниковъ, уясняетъ и осмысливаетъ недоговоренныя, бѣглыя упоминанія церковнаго законодательства о жертвенникѣ и діаконикѣ, дополняя писанныя церковные каноны данными изъ неписаннаго, *обычнаго права*, дѣйствовавшаго въ православной вселенской и древне-русской церкви. При свѣтѣ этихъ данныхъ твердо и опредѣленно устанавливается увѣренность въ существенной важности и значительномъ историческомъ постоянствѣ въ церковной практикѣ особыхъ помѣщеній жертвенника и діакоиника, существовавшихъ въ древнихъ храмахъ на протяженіи долгаго ряда вѣковъ.

[1]) Приведенная статья номоканона говоритъ объ алтарномъ умывальникѣ (νηπτήρ), какъ необходимой принадлежности предложенія—(πρόθεσις) или жертвенника—особаго помѣщенія въ храмѣ. „О необходимости этой принадлежности предложенія говоритъ св. Симеонъ Солунскій въ своихъ отвѣтахъ Гавріилу епископу Пентапольскому (Migne, Patrologiae Cursus Compl. Graec. t. 155 col. 948), и Геннадій архіепископъ Новгородскій (Рус. Ист. Библіот. ж. VI, столб. 7 7 4). Сравн. „Стоглавъ" гл. 9-я.

Творенія древнихъ литургистовъ—св. отцовъ и учителей церкви и древне-русскихъ толкователей церковныхъ каноновъ (напримѣръ въ упомянутой выше „Толковой Службѣ“) сообщаютъ теоретическія, идейныя основы трехсоставному устройству алтарной части храма съ особыми помѣщеніями для жертвенника и діаконика, иначе говоря, знакомятъ съ идеологіей требованій обычнаго церковнаго права по разсматриваемому вопросу. Символическое объясненіе какъ всего христіанскаго храма, такъ и его отдѣльныхъ частей съ несомнѣнностью убѣждаетъ въ томъ, что жертвенникъ и діаконикъ, какъ особыя помѣщенія не только были въ древне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмахъ, но и теоретически оправдывались, обосновывались. Наличность ихъ предполагалась всесторонностью воплощенія идеи христіанскаго храма въ его внѣшнихъ архитектурныхъ формахъ.

Еще болѣе необходимость названныхъ особыхъ помѣщеній обосновывается положительными требованіями церковнаго Устава (Типикона). Исполненіе этихъ требованій, пріурочивающихъ опредѣленныя богослужебныя дѣйствія къ жертвеннику и діаконику (напримѣръ вхожденіе *въ жертвенникъ*, молитву *въ сосудохранилищѣ*), положительно не мыслимо безъ наличности въ храмѣ этихъ особыхъ помѣщеній.

Наконецъ, самое вѣское, неоспоримое основаніе въ пользу вынесенія жертвенниковъ и ризницъ изъ св. алтарей въ особыя помѣщенія—это понятіе о св. алтарѣ, какъ мѣстѣ совершенія Безкровной Жертвы и чувство особеннаго благоговѣнія къ этому мѣсту, вполнѣ опредѣленно заповѣдуемыя законами св. церкви.

Итакъ, разсматриваемый вопросъ вполнѣ утверди-

тельно рѣшается на основаніи нѣкоторыхъ указаній каноническихъ источниковъ, на основаніи церковно-археологическихъ данныхъ (по преимуществу) на основаніи твореній древнихъ литургистовъ и положительныхъ требованій Устава (Типикона) въ связи съ общимъ церковнымъ воззрѣніемъ на спеціальное назначеніе св. алтаря.

Аналогично отношеніе каноническаго законодательства, церковно-археологическихъ данныхъ, символическихъ толкованій древнихъ литургистовъ и канонистовъ и къ вопросу о правильномъ размѣщеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ. По этому вопросу можно указать и систематизировать цѣлый рядъ данныхъ каноническаго, церковно-археологическаго и литургическаго характера. Первыя двѣ группы данныхъ дѣлаютъ возможнымъ установленіе той мысли, что въ древней православной церкви были *опредѣленные законы*, регламентировавшіе расположеніе въ храмѣ св. иконъ, дѣлаютъ также возможнымъ и *достаточно—подробное* изложеніе этихъ законовъ. Послѣдняя группа данныхъ уясняетъ теоретическія предпосылки церковныхъ законовъ о правильномъ размѣщеніи въ храмѣ св. иконъ.

А.

> Non est imaginum structura pictorum inventio, sed Ecclesiae Catholicae probata legislatio et traditio (Concilii Nic. III Actio VI. Collectio Labbe t. VII col. 831).

Св. иконы, по словамъ одного отечественнаго представителя науки церковнаго права,—проф. Павлова, „составляютъ не только главное украшеніе, но и предметъ религіознаго чествованія; поэтому иконописаніе,

естественно подлежитъ канонической регламентаціи“ [1]). Дѣйствительно, стоя на православно-христіанской точкѣ зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать св. иконы только какъ украшеніе христіанскихъ храмовъ. Если-бы св. иконы были только выраженіемъ эстетическихъ стремленій христіанскаго общества, если-бы они служили только украшеніемъ святыхъ храмовъ, ласкающимъ взоръ христіанина, внушающимъ ему только уваженіе къ благолѣпно убранному дому Божію, то дѣйствія церковной власти, каноническая нормирующая регламентація или совсѣмъ не имѣла бы отношенія къ св. иконамъ, или касалась бы ихъ такъ же отдаленно, какъ и другихъ украшающихъ св. храмъ предметовъ декоративнаго характера (напримѣръ рѣзныхъ украшеній иконостаса). Но по ясному ученію св. православной церкви, св. иконы—не столько украшеніе (какъ художественныя произведенія они не могутъ не имѣть украшающаго значенія), сколько предметъ религіознаго почитанія и поклоненія, а также могучее средство религіознаго просвѣщенія и драгоцѣнный источникъ религіозно-нравственнаго воспитывающаго вліянія и возраждающаго дѣйствія благодати Божіей [2]). Мало того, поклоненіе св. иконамъ—существенный элементъ, входящій въ составъ православно-христіанскаго богослуженія. По заповѣди св. апостола Павла, богослуженіе христіанское должно совершаться „благообразно и по чину“ (Кор. XIV, 40) Уставность, строй-

---

[1]) Курсъ церковнаго права. Сергіевъ Посадъ 1902 г. стр. 301.

[2]) См. догматич. опредѣленіе 7 вселенск. Собора, (Книга Правилъ); Сравн. Opera Graegorii Papae epistola ad Serenum. pag. 1100 Opera S Basilii. t. III, epistola ad Gregorium. 2. 5. Athanasii Alexandrin. par. 272; опредѣл. Большого Моск. Собора—Акты собр. археологич. экспедиціею кн. IV, стр. 224.

ность, опредѣленность порядка въ чередованіи составныхъ элементовъ—существенное свойство христіанскаго богослуженія.

Какъ предметъ религіознаго почитанія и поклоненія, какъ средство религіозно-нравственнаго просвѣщенія, воспитанія и молитвенно-благодатнаго общенія съ Богомъ и его св. угодниками, наконецъ, какъ составной элементъ православно-христіанскаго богослуженія, св. иконы, иконописаніе, иконопочитаніе всецѣло подлежатъ канонической регламентаціи. Эта мысль точно и опредѣленно высказана отцами 7-го Вселенскаго Собора: „non est imaginum structura pictorum inventio, sed Ecclesiae Catholicae probata legislatio et traditio“. Этими словами все, что относится къ устройству (structura) св. иконъ, признается предметомъ канонической регламентаціи. Произвольныя измышленія (inventio) художественной фантазіи не приложимы къ церковной иконографіи. Ея область должна опредѣляться признанными Вселенскою Церковію законоположеніями и преданіями (legislatio et traditio). Особенности содержанія священныхъ изображеній (иконографическіе сюжеты), характеръ (стиль) этихъ изображеній, самый способъ ихъ произведенія (матеріалъ, зографы), расположеніе св. иконъ въ храмѣ, даже почитаніе св. иконъ въ домахъ христіанъ—все это существенно важные предметы, на которые должна направляться нормирующая дѣятельность церковной власти и сосредоточенное вниманіе пастырской заботы. Съ изложенной выше православно-христіанской точки зрѣнія на св. иконы, имѣющей основаніе въ положительныхъ требованіяхъ древне-христіанской церкви, нельзя не видѣть ближайшаго отношенія между каноническими постановленіями и областью церковной иконографіи.

Исторія церковнаго законодательства, особенно же данныя изъ исторіи обычнаго права древне-христіанской и древне-русской церкви, вполнѣ подтверждаютъ раскрываемую мысль. Вопросъ о св. иконахъ былъ предметомъ обсужденія высшаго органа церковной власти— Вселенскаго Собора (7 Вс. Соборъ). 82-е правило Трульскаго (692 г.) собора рѣшаетъ одинъ изъ вопросовъ, касающихся содержанія священныхъ изображеній. 100-е правило того же собора говоритъ о характерѣ священныхъ изображеній. Что касается законодательства русской православной церкви, какъ древняго, такъ и дѣйствующаго, то здѣсь вопросы иконографіи занимаютъ, безспорно, одно изъ выдающихся мѣстъ. Вопросъ о содержаніи священныхъ изображеній, вопросъ о характерѣ этихъ изображеній, о матеріалѣ, на которомъ они должны изображаться, вопросъ о нравственныхъ качествахъ и образѣ жизни иконописцевъ, о смыслѣ и цѣли иконописанія, о значеніи иконопочитанія, о видахъ иконографическаго искусства, даже объ отношеніи къ памятникамъ древней церковной иконографіи—всѣ эти вопросы рѣшаются въ источникахъ историческаго и дѣйствующаго русскаго церковнаго права [1]).

Положительные (писанные) церковные законы, вошедшіе въ составъ каноническаго кодекса православно-христіанской церкви и касающіеся вопросовъ иконографіи, извѣстны отъ времени сравнительно поздняго— VII в. (напр. правила Трульскаго собора 692). Напротивъ, данныя изъ исторіи обычнаго права христіанской

[1]) См. постановленія Стоглаваго собора 125 гл., 123 гл., соотвѣтствующія постановленія Большого Моск. Собора, (акты Археологич. Комиссіи т. IV. стр., 254–5), см. грамоту патріарха Іоакима 1674 (тамъ т. V стр. 254) грамоту царя Алексѣя Михайловича (акт. Ист. № 174) сравн. Полное собр. пост. и распор. по вѣдомству правосл. испов. т. II № 364, 423, 335, 534, 476, 509, 534, 777 и др.

церкви приводятъ къ тому заключенію, что область иконографіи нормировалась церковною властью съ первыхъ вѣковъ христіанства.

Священныя изображенія имѣютъ мѣсто въ церковной практикѣ съ перваго вѣка. Извѣстны св. иконы на стѣнахъ крипты Домициллы, относящіяся къ I вѣку [1]), въ криптѣ св. Яннуарія, относящіяся къ II в. [2]), въ кубикулѣ катакомбы Каллиста, относящіяся къ III в. [3]). Священныхъ изображеній относящихся къ IV и послѣдующимъ вѣкамъ извѣстно весьма значительное количество [4]). По свидѣтельству церковнаго историка Евсевія Кесарійскаго, блаж. Августина и св. Василія Великаго, въ первые вѣка христіанства были не дошедшія до настоящаго времени иконы—портреты Христа Спасителя и св. апостоловъ [5]).

Св. иконы, относящіяся къ первымъ четыремъ вѣкамъ христіанства, отличаются значительнымъ обиліемъ содержанія. Къ числу этихъ иконъ относятся изображенія Христа Спасителя (наприм. въ катакомбѣ Каллиста), [6]) Пресвятой Богородицы (наприм. икона Знаменія Божіей Матери въ криптѣ св. Агнесы, [7]) изображеніе Пресв. Богородицы въ усыпальницѣ св. Прискиллы, [8]) до 20 изображеній Пресв. Богородицы въ другихъ ка-

---

[1]) Проф. Красносельцевъ. „Очерки древняго христіанскаго искусства по памятникамъ подземнаго Рима“ Прав. Собесѣдн. 1879 г. II стр. 194, fin (сравн. проф. Покровскій. Очерки памятниковъ христ. иконографіи).

[2]) Тамъ же. [3]) и [4]) Тамъ же.

[5]) Euseb. Hist. Eccles. II, 25, VII, 28, Augustin. De consesus lib. I cap X Basilii Epistola CCCVX. Сравн. Тертулліана De puris c. 10, Іеронима in Iohan.

[6]) Хитрово „Подлинный ликъ Спасителя“.

[7]) Покровскій „Очерки пам. хр. иконограф.

[8]) Красносельцевъ цитов. соч. стр. 219.

такомбныхъ храмахъ и въ сюжетѣ поклоненія волхвовъ и друг.) [1]) изображенія-св. мучениковъ (наприм. Парѳенія и Калоцера въ катакомбѣ Каллиста), [2]) библейскія священныя изображенія (Ной въ ковчегѣ, пророкъ Іона, Даніилъ во рву львиномъ, пророкъ Моисей, три отрока въ пещи вавилонской), [3]) священныя изображенія, воспроизводящія евангельскія притчи (виноградная лоза, дѣвы разумныя и неразумныя, Сѣятель, Добрый Пастырь), [4]) изображеніе св. Креста, [5]) многочисленныя символическія изображенія (рыбы, голубя, феникса и др.). [6]) Изученіе иконографическихъ памятниковъ первыхъ вѣковъ христіанства приводитъ къ тому заключенію, что съ самаго начала исторической жизни церкви область иконографіи, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны формы, неизмѣнно опредѣлялись канонической регламентаціей церковной власти.

„Не только количество сюжетовъ, дозволенныхъ художникамъ, было тщательно ограничено, но даже въ способѣ передачи ихъ они не были свободны“.[7])

Количество иконографическихъ сюжетовъ, при своемъ относительномъ обиліи, въ первые вѣка христіанства отличается строгою опредѣленностью. Многочисленныя извѣстныя наукѣ священныя изображенія первыхъ вѣковъ не выходятъ изъ опредѣленнаго цикла иконографическихъ сюжетовъ. Характеръ воспроизведенія иконографическихъ сюжетовъ такъ же отличается строгою опредѣленностью. Въ священныхъ изображеніяхъ первыхъ вѣковъ нѣтъ ни того обилія деталей, которое вызывается желаніемъ буквально воспроизвести фактъ, ни того разнообразія и непринужденности, которыя

[1]) Тамъ же 218 стр.
[2]) Тамъ же 213 [3]—[6] тамъ же гл. 4 и 5-я.
[7]) стр. 201 цит. соч.

свойственны произведеніямъ фантазіи: они имѣютъ строгую умѣренность произведеній, направленныхъ къ духовной цѣли и разсчитанныхъ на выраженіе абстрактной истины... Одно только исполненіе принадлежало художникамъ; *отношеніе сюжетовъ между собою, параллелизмъ живописей, ихъ общее расположеніе въ большей или меньшей степени зависѣли отъ церковнаго авторитета.* [1])

Самою характерною чертою древнѣйшихъ памятниковъ иконографіи является символизмъ, элементы котораго свойственны даже древнѣйшимъ воспроизведеніямъ историческихъ сюжетовъ. [2]) Но и самый символизмъ перво-христіанскихъ священныхъ изображеній вполнѣ основательно можетъ быть признанъ слѣдствіемъ нормирующей дѣятельности церковной власти, стремившейся къ урегулированію религіозно-воспитывающаго вліянія иконографіи. Вотъ почему, къ священнымъ изображеніямъ первыхъ вѣковъ авторитетный изслѣдователь церковной археологіи де-Росси прилагаетъ терминъ „іератическія“ т. е. опредѣлявшіяся въ содержаніи и формѣ канонической реглементаціей. [3])

Такимъ образомъ, данныя изъ исторіи древне-христіанской иконографіи ясно свидѣтельствуютъ о наличности въ древне-христіанскій церкви каноническихъ нормъ, опредѣлявшихъ область иконографіи.

Небольшой, сравнительно, промежутокъ времени отдѣляетъ древне-христіанскій періодъ иконографіи отъ образованія ея византійскаго стиля, канонизованнаго въ русской Православной церкви. Послѣдній всецѣло имѣетъ характеръ іератическій, и слѣдовательно, опредѣляется авторитетомъ церкви.

---

[1]) Цитов. соч. стр. 211.
[2]) Покровскій „Очерки пам. Христ. иконогр.“.
[3]) См. у Красносельцева цитов. соч. стр. 202.

Приведенная бѣглая справка изъ исторіи положительнаго и обычнаго права древне-христіанской и древнерусской церкви по вопросамъ иконографіи въ связи съ отношеніемъ къ этимъ вопросамъ дѣйствующаго русскаго церковнаго права, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что область иконографіи и иконопочитанія всегда опредѣлялась каноническими нормами положительнаго и обычнаго права.

Поэтому, естественно предположить, что одинъ изъ частныхъ вопросовъ, касающихся св. иконъ, вопросъ о правильномъ расположеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ, опредѣленно рѣшается въ источникахъ каноническаго права. Но внимательное изученіе каноническаго кодекса православно-христіанской церкви колеблетъ вѣроятность этого предположенія. Тѣмъ не менѣе, если бы кто либо спросилъ, существуютъ ли въ православной церкви законы по этому вопросу и попытался отвѣтить отрицательно, то встрѣтилъ бы неопровержимыя возраженія. Такія возраженія представляетъ практика, съ одной стороны, современной православной церкви, а съ другой стороны практика церкви древней.

Ясное, очевидное указаніе на опредѣленный порядокъ размѣщенія св. иконъ въ храмѣ доступно всеобщему наблюденію. Послѣдовательно расположенные, отмѣченные неизмѣннымъ единствомъ содержанія „ярусы“ иконостаса, „мѣстныя иконы“ по правую и по лѣвую сторону царскихъ вратъ, евангелисты въ „парусахъ“ храмовыхъ сводовъ, икона Благовѣщенія Божіей Матери на царскихъ вратахъ—вотъ неизмѣнныя доступныя вниманію каждаго молящагося въ православномъ храмѣ впечатлѣнія, ясно говорящія о томъ, что если не въ кодексахъ каноническихъ постановленій, *то въ жизни*

православной церкви, несомнѣнно существуютъ законы, регламентирующіе расположеніе въ храмѣ св. иконъ. Практика древней христіанской церкви свидѣтельствуетъ о наличности такихъ законовъ еще болѣе наглядно. Не говоря уже о византійскомъ стилѣ, іератическомъ по самой своей сущности, даже древне-христіанскіе храмы первыхъ вѣковъ свидѣтельствуютъ о строгой опредѣленности расположенія въ нихъ св. иконъ. Сравнивая росписи катакомбныхъ храмовъ, нельзя не замѣтить слѣдующаго явленія. Во многихъ катакомбныхъ храмахъ центральное мѣсто храмового свода неизмѣнно занимаетъ одно священное изображеніе, именно, изображеніе Христа Спасителя или подъ образомъ Добраго Пастыря, или подъ образомъ Орфея. [1]) Далѣе, иконографическіе памятники катакомбныхъ храмовъ характеризуюся несомнѣнною „обдуманностью расположенія". [2]) Эта обдуманность расположенія ясно говоритъ о наличности опредѣленной идеи, руководившей размѣщеніемъ въ катакомбныхъ храмахъ священныхъ изображеній и сообщавшей имъ стройность и порядокъ.

Наиболѣе наглядным выраженіемъ отмѣченной обдуманности расположенія св. иконъ въ катакомбныхъ храмахъ является параллелизмъ ихъ. Для примѣра можно указать слѣдующія многократно встрѣчающіяся параллели расположенія священныхъ изображеній въ катакомбныхъ храмахъ: изображеніе трехъ отроковъ въ пещи Вавилонской и изображеніе поклоненія волхвовъ Богомладенцу, изображеніе пророка Моисея, ударяющаго

[1]) „Фрески потолковъ"—наиболѣе постоянное мѣсто изображенія Добраго Пастыря. См. Проф. Красносельцевъ цит. соч. стр. 196. Сравн. о фрескѣ Орфея въ катакомбѣ Домициллы. Покровскій цит. соч. стр. 35.

[2]) Красносельцевъ. цит. соч.

го въ скалу и изображеніе воскрешенія Лазаря.[1]) Параллелизмъ расположенія священныхъ изображеній въ катакомбныхъ храмахъ (уясняющійся въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ, напримѣръ, Тертулліана[2]), св. Кипріана Карѳагенскаго)[3]) можетъ быть признанъ яснымъ доказательствомъ того, что расположеніе священныхъ изображеній въ древне-христіанскихъ храмахъ не было случайнымъ, а наоборотъ, было идейнымъ, опредѣлялось извѣстными теоретическими предпосылками, сообщавшими ему глубокую поучительность. „Фрески, нарисованные на стѣнахъ катакомбъ, образуютъ собою какъ бы длинное наглядное поученіе, обращенное къ душамъ, искушеннымъ продолжительными испытаніями. Постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ-же сюжетовъ, ихъ обдуманное расположеніе, ихъ взаимная зависимость—все это показываетъ, что въ этихъ живописяхъ не было ничего случайнаго, что художникъ или тотъ, кто направлялъ его кисть, постоянно имѣлъ въ виду ихъ теологическое значеніе“.[4])

Идейность, осмысленность, характеризующая расположеніе св. иконъ въ христіанскихъ храмахъ первыхъ вѣковъ, еще болѣе свойственная храмамъ византійскаго стиля, ясное доказательство того, что въ древне-христіанской церкви были теоретическія указанія, были нормы, руководившія расположеніемъ св. иконъ въ храмѣ.

Каковы же эти теоретическія указанія или не вошедшія въ кодексъ каноническихъ постановленій цер-

---

[1]) Тамъ же. Изображенія эти, многократно встрѣчающіяся въ катакомбахъ, почти всегда располагаются параллельно: или одно противъ другого или рядомъ.

[2]) De baptismo cap. 9.

[3]) Epistola VXIII.

[4]) Красносельцевъ, цит. соч. 211.

ковныя нормы о размѣщеніи въ храмѣ св. иконъ? Какъ должно размѣщать св. иконы въ храмѣ? Возможенъ точный, значительно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Такой именно отвѣтъ содержатъ документы, извѣстные въ наукѣ подъ именемъ „лицевыхъ подлинниковъ“.

Въ постановленіяхъ русскихъ церковныхъ соборовъ, воспроизводящихъ мысль 7 Вселенскаго Собора (приведенную выше) и въ указахъ Святѣйшаго Сунода настойчиво высказывается требованіе „писать иконы по древнимъ свидѣтельствованнымъ подлинникамъ“. [1])

Такое неоднократно повторяемое требованіе русскихъ церковныхъ соборовъ и Святѣйшаго Сунода сообщаетъ весьма важное значеніе и авторитетъ документамъ, извѣстнымъ подъ именемъ „лицевыхъ подлинниковъ“. Теоретическія указанія этихъ документовъ вполнѣ основательно могутъ быть признаны авторизованнымъ церковною властью отвѣтомъ по разсматриваемому вопросу.

Что представляютъ собою „лицевые подлинники“ и каково ихъ отношеніе къ вопросу о правильномъ размѣщеніи св. иконъ въ храмѣ?

Подъ именемъ „лицевыхъ подлинниковъ“ въ церковно-археологической наукѣ разумѣются составленные на основаніи церковнаго преданія сборники священныхъ изображеній и художественно—техническихъ указаній, предназначенные церковною властью въ руководство иконописцамъ. Лицевые *сборники, подлинники* существовали и въ византійской и въ древне-русской церкви. Извѣстные въ наукѣ и близко стоящіе къ лицевымъ под-

[1]) см. Извѣст. Императорск. Арлеологич. Общ. V, 5. стр. 318, сравн. Сахарова „Изслѣдованіе о русск. иконописи.“ кн. 2.

линникамъ лицевые минологіи (содержащія священныя изображенія въ каледарномъ порядкѣ) восходятъ къ X в. (напримѣръ ватиканскій минологій Василія II сентябрь—февраль, минологій Давидъ—Гареджійской пустыни XII в). Собственно „подлинники“ извѣстны отъ приблизительно того же или болѣе поздняго времени.

Появленіе византійскихъ лицевыхъ подлинниковъ въ ихъ редакціяхъ, извѣстныхъ наукѣ, церковные археологи опредѣляютъ неодинаково. Проф. Бенратъ опредѣляетъ это время датою VIII—XI в., Рого-де-Флери ставитъ греческіе лицевые подлинники въ рядъ памятниковъ X в. Другіе археологи (Дидронъ, Лампросъ, архимандритъ Антонинъ, проф. Покровскій) относятъ дату появленія „лицевыхъ подлинниковъ, въ ихъ редакціяхъ, извѣстныхъ въ наукѣ, къ болѣе позднему времени (X—XVI в.). [1]) Что касается русскихъ „лицевыхъ подлинниковъ“ то извѣстны ихъ редакціи, относящіяся къ XVI, XVII и XVIII в. (Наприм. „подлинникъ“ XVI в., хранящійся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, XVII в. Строгановскій и Сійскій „подлинники“ и др.) [2]) Главнымъ элементомъ, входящимъ въ составъ «лицевыхъ подлинниковъ» являются священныя изображенія (маніатюры), расположенныя въ календарномъ или алфавитномъ порядкѣ.

На ряду съ лицевыми изображеніями (миніатюрами) въ составъ лицевыхъ подлинниковъ входятъ теоретическія художественно-техническія указанія о возрастѣ изображаемаго святого, о цвѣтѣ волосъ, одеждъ и т. д. По словамъ проф. Покровскаго, всѣ извѣстные въ наукѣ греческіе иконописные подлинники (наприм. Ἑρμηνεία τῶν ζωγράφων) имѣютъ характеръ исключительно теоретическихъ указаній. [3])

---

[1]) Покровскій „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

Для уясненія содержанія „лицевыхъ подлинниковъ“ изложенныя свѣдѣнія можно иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ. Въ одномъ русскомъ „лицевомъ подлинникѣ“ (изданномъ Прохоровымъ; см. Рус. и Христ. древности) подъ 27 ноября помѣщены изображенія слѣдующихъ святыхъ: св. великомученика Георгія Побѣдоносца, св. великомученика Іакова, св. Іакова Ростовскаго и преп. Палладія. Надъ миніатюрою, содержащею эти изображенія, находится славянская надпись съ художественно—техническими указаніями. Св. великомученикъ Георгій изображенъ en face, съ опущенною главою, въ доспѣхахъ воина, безъ меча и копья, съ опущеннымъ къ землѣ щитомъ въ лѣвой рукѣ и поднятымъ крестомъ въ правой. Надпись: „риза киноварь исподъ лазорь“. Надъ изображеніемъ св. Палладія: „сѣдъ ряска санкиръ (названіе краски) съ бѣлиломъ“.

Въ числѣ разнообразныхъ, иногда до детальности подробныхъ, указаній „лицевыхъ подлинниковъ“ находятся и прямыя указанія по разсматриваемому вопросу —о правильномъ размѣщеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ. „Лицевые подлинники“ содержатъ точныя указанія о томъ, гдѣ должно помѣщать въ храмѣ то или другое священное изображеніе. Въ доказательство высказаннаго положенія можно привести слѣдующее мѣсто изъ греческаго иконописнаго подлинника Ἑρμηνεία τῶν ζωγράφων. Въ предлагаемыхъ иконописцамъ художественно—техническихъ указаніяхъ относительно изображенія св. великомучиника Георгія Побѣдоносца Ἑρμηνεία не ограничивается вопросами о содержаніи изображенія, цвѣтѣ красокъ, обстановкѣ. Кромѣ этихъ указаній, Ἑρμηνεία точно опредѣляетъ мѣсто, которое должно занимать въ храмѣ изображеніе св. Великомученика. Мѣсто это точно ука-

зывается, въ пятомъ ряду въ полукружіи праваго клироса". [1])

Кромѣ приведеннаго выше указанія „лицевыхъ подлинниковъ", касающагося расположенія св. иконъ въ храмѣ, можно отмѣтить нѣсколько другихъ указаній такого же характера, находящихся въ названныхъ документахъ. Такъ напримѣръ, по требованію греческаго „лицевого подлинника", въ восточной храмовой аркѣ (поддерживающей куполъ) полагается изображеніе нерукотвореннаго образа, а въ „парусахъ" храмовыхъ сводовъ четыре евангелиста [2]). Ясно такимъ образомъ, что вопросъ о правильномъ расположеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ вполнѣ опредѣленно рѣшается „лицевыми подлинниками".

А потому не можетъ быть сомнѣнія въ возможности изложить рѣшеніе этого вопроса на основаніи данныхъ церковно-законодательнаго характера, такъ какъ „лицевые подлинники" отличаются такимъ именно характеромъ.

Въ виду того, что лицевые подлинники, по словамъ авторитетныхъ представителей церковной археологіи, имѣли широкое примѣненіе въ церковной практикѣ [3]) и, можно думать, *послужили источникомъ тѣхъ церковныхъ обычаевъ, которыми управляется расположеніе св. иконъ въ настоящее время*, съ полной увѣренностью можно предполагать, что систематическое изложеніе со-

---

[1]) ἔξωθεν εἰς τούς τραχοὺς ποίησον τοὺς μεγαλομαρτίρας καὶ δεξιῶν μεν τον ἅγιον Γεώργιον см. у Покровскаго «Очерки памятниковъ христ. иконографіи» стр. 286.

[2]) Проф. Н. Покровскій. Очерки памятниковъ христіанской иконографіи. СПБ. 1894. стр. 279.

[3]) Проф. Н. Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ христіанской иконографіи.

отвѣтствующихъ указаній, содержащихся въ этихъ документахъ, было бы лучшимъ и наиболѣе основательнымъ отвѣтомъ по разсматриваемому вопросу. Къ сожалѣнію, отсутствіе въ настоящія минуты нѣсколькихъ, необходимыхъ для сравнительнаго изученія, греческихъ и русскихъ „лицевыхъ подлинниковъ“ лишаетъ пишущаго эти строки всякой возможности воспользоваться цѣнными указаніями названныхъ документовъ. [1])

Поэтому, утверждая возможность обоснованнаго на церковно-законодательныхъ данныхъ отвѣта по вопросу о правильномъ расположеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ, необходимо для положительнаго рѣшенія этого вопроса обратиться къ памятникамъ церковной иконографіи, несомнѣнно находившимся при своемъ появленіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ каноническихъ нормъ, которыя со времени образованія византійскаго стиля иконографіи получили опредѣленную формулировку въ видѣ теоретическихъ указаній „лицевыхъ подлинниковъ“.

Б.

Памятники церковной иконографіи даютъ значительно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о правильномъ расположеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ. Выше была отмѣчена признанная археологами „обдуманность расположенія“ священныхъ изображеній въ катакомбныхъ храмахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Священныя изображенія, принадлежащія къ византійскому стилю иконографіи, канонизованному въ русской православной церкви, существенною своею особенностью

[1]) Интересующихся отсылаемъ къ авторитетному капитальному труду проф. Н. В. Покровскаго „Стѣнныя росписи др. храмовъ греческихъ и русскихъ“.

имѣютъ „іератическій характеръ“, т. е. всецѣло опредѣляются теоретическими указаніями церковной власти и въ содержаніи, и въ исполненіи, и въ расположеніи. Св. иконы писались въ древней византійской и въ древней русской церкви „по свидѣтельствованнымъ подлинникамъ“ [1]). По указаніямъ этихъ „подлинниковъ“ они и располагались въ храмѣ и алтарѣ. Каковы же правила этого расположенія?

Не всѣ памятники древней церковной иконографіи могутъ служить источникомъ познанія этихъ правилъ. Обычная, принятая въ церковной археологіи, классификація этихъ памятниковъ основывается на мысли о способѣ ихъ произведенія (виды иконографическаго искусства). Исходя изъ этой мысли, археологи дѣлятъ памятники церковной иконографіи на слѣдующія группы: фреска, мозаика, миніатюра, иконы въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. написанныя на деревѣ или холстѣ, скульптура и финифть. Фрескою называется живопись по сырой штукатуркѣ [2]). Мозаика (греческ. μουσίν) „есть искусство составлять отдѣльныя фигуры и сложныя изображенія изъ кубиковъ твердаго вещества: стекла, мрамора, и т. п., окрашенныхъ въ разные цвѣта [3]). Мозаическія священныя изображенія это тѣ св. иконы, „отъ дробныхъ каменій составленныя“, о которыхъ говорится въ догматическомъ опредѣленіи 7 Вселенскаго Собора [4]). Миніатюры—это священныя изображенія въ рукописяхъ, въ такъ называемыхъ „лицевыхъ рукописяхъ“, каковы напримѣръ: „лицевыя евангелія“, „лицевыя псалтири“, „лицевыя минеи“ или „минологіи“ и т. п. Скульптура въ исторіи христіанской иконографіи рѣзко от-

[1]) См. архіепископъ Анатолій. „О иконописаніи“.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) См. Книгу Правилъ.

личается отъ обычнаго понятія о ней, какъ искусствѣ дѣлать статуи—въ такомъ видѣ скульптура „никогда не находила здѣсь значительнаго примѣненія“ [1]). Подъ именемъ христіанской скульптуры необходимо разумѣть „изображенія рельефныя въ видѣ рѣзныхъ и литыхъ иконъ, диптиховъ, складней, окладовъ, крестовъ“, широко распространенныхъ въ практикѣ древне-христіанской и древне-русской церкви. Финифть или эмаль „въ смыслѣ техническомъ представляетъ одинъ изъ видовъ производства стекла, которому при помощи металлическихъ окисей сообщаютъ различные цвѣта“. [2])

Всѣ перечисленные виды иконографическаго искусства имѣли широкое распространеніе въ практикѣ древне-христіанской, византійской и древне-русской церкви. Фрески употребляются въ церковной практикѣ съ первыхъ вѣковъ христіанства. Такъ напримѣръ, фреска въ катакомбѣ св. Прискиллы, изображающая Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, относится къ I или II вѣку христіанства. [3]) Извѣстны фрески византійскія, напримѣръ фреска Кіево-Софійскаго собора „сошествіе Спасителя во адъ“, принадлежащая кисти византійскихъ мастеровъ. [4]) Извѣстны многочисленныя фрески русскія: кіевскія, новгородскія, владиміро-суздальскія и др. [5]) Изъ древнѣйшихъ христіанскихъ мозаикъ можно назвать символическое изображеніе виноградной лозы въ катакомбѣ Домициллы, относящееся къ I вѣку [6]), изъ мозаикъ византійскихъ—изображеніе Христа Спасителя на тронѣ, находящееся въ храмѣ св.

[1]) Покровскій цит. соч.
[2]) Проф. Н. Покровскій „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства.
[3]) Тамъ же.
[4]) и [5]) Тамъ же сравн. „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“.
[6]) Проф. Н. Красносельцевъ „Очерки древняго христіанскаго искусства по памятникамъ подземнаго Рима“.

Софіи Константинопольской при входѣ въ храмъ изъ внутренняго нарѳикса надъ средними (царскими) дверями,[1]) изъ русскихъ мозаикъ—„Нерушимую стѣну“ Кіево-Софійскаго собора. Древнѣйшія христіанскія миніатюры находятся въ „лицевыхъ евангеліяхъ“ Россанскомъ (VI в.) и сирійскомъ—Раввулы (писанныхъ въ 586 г. монахомъ Раввулою въ монастырѣ Загба въ Месопотаміи.[2]) Изъ произведеній древне-христіанской скульптуры можно указать на *каѳедры епископовъ* (θρόνος), покрытыя священными скульптурными изображеніями, —напримѣръ, на скульптурныя изображенія на каѳедрѣ архіепископа Максиміана въ Равеннѣ.

Къ числу произведеній древне-христіанской скульптуры относятся также священныя изображенія, покрывающія наружныя стороны древне-христіанскихъ диптиховъ (тетраптиховъ, триптиховъ, пентаптиховъ—соотвѣтствующихъ современнымъ „поминаніямъ“ и „синодикамъ“), а также скульптурныя священныя изображенія древне-христіанскихъ саркофаговъ (напримѣръ, Миланскій диптихъ V в., саркофагъ катакомбы Люцины и др.) Финифтяныя изображенія находятся на древнихъ энколпіяхъ (панагіяхъ), окладахъ, крестахъ и т. п.

Въ исторіи христіанской иконографіи всѣ отмѣченные виды ея имѣютъ существенно важное значеніе. Въ частности, напримѣръ, миніатюра является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для установленія исторіи развитія иконографическихъ сюжетовъ.

Къ вопросу о правильномъ расположеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ не всѣ отмѣченные виды христіанской иконографіи имѣютъ непосредственно близкое отношеніе. Такое отношеніе, безспорно, имѣютъ только стѣнописи—памятники, неизмѣнно сохраняющіе свое

[1]) и [2]) Проф. Покровскій, цит. соч.

мѣсто въ храмѣ и потому дающіе основанія для сужденія о своей первоначальной топографіи. Къ числу стѣнописей относятся только два изъ перечисленныхъ видовъ христіанской иконографіи: фреска и мозаика.

Древне-христіанскія и древне-русскія фрески и мозаики, наиболѣе обслѣдованныя научно, находятся въ слѣдующихъ храмахъ: въ катакомбѣ Домициллы [1]) въ „комнатахъ таинствъ“ („сакраментаныя капеллы“) близъ папской крипты въ катакомбѣ Каллиста, [2]) въ катакомбахъ Прота и Гіацинта въ Римѣ [3]) и мн. др. катакомбныхъ храмахъ, въ церкви св. Констанцы (S. Costanza) въ Римѣ (4 в.), Пуденціаны въ Римѣ (4 в.), Маріи Великой (Maria Maggiore) въ Римѣ (5 в.), равенскомъ баптистеріи (крещальнѣ) (5 вѣка), мавзолеѣ Галлы Плакиды въ Равеннѣ (5 в.) церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ, церкви св. Виталія въ Равеннѣ (обѣ 6 в.) въ церкви св. Аполлинарія во Флотѣ (6 в.), въ церкви св. Екатерины на Синайской горѣ, въ Солунскихъ церквахъ: св. Георгія и св. Софіи, въ церкви св. Софіи Константинопольской, въ монастырѣ μονή τῆς χώρας близъ Константинополя (нынѣ Кахріэ Джами), въ монастырѣ св. св. Луки въ Фокидѣ и въ Дафни близъ Аѳинъ (оба 12 в.), въ Аѳоноватопедскомъ монастырѣ и мн. друг. Изъ западныхъ древне-христіанскихъ храмовъ замѣчательны такъ же по своимъ фрескамъ и мозаикамъ: церковь св. Марка въ Венеціи и Палатинская капелла, расписанныя по византійскому образцу.

Наиболѣе цѣнны для уясненія разсматриваемаго вопроса фрески и мозаики древне-русскихъ храмовъ: св. Софіи Кіевской, Михайловскаго Златоверхаго монастыря, Кіево-Кирилловскаго монастыря, св. Софіи Новгородской, Спасо-Наредицкой церкви (1198 г.). Спасо-Мирожскаго Псковскаго собора, Спасо-Преображенскаго

[1]) Тамъ же.
[2]) и [3]) Тамъ же.

монастыря въ Ярославлѣ, церкви св. Георгія въ Старо-Ладожской Рюриковой крѣпости (12 в.), св. Николая въ Липнѣ, Успенской церкви села Волотова близъ Новгорода, церкви Покрова на Нерли близъ Боголюбскаго монастыря (1165 г), Дмитріевскаго Владимірскаго собора, Успенскаго Владимірскаго собора и др.

По характеру стѣнныхъ росписей перечисленные храмы могутъ быть раздѣлены на двѣ неравномѣрныя группы: а) храмы, росписи которыхъ въ содержаніи и расположеніи опредѣляются общей идеей христіанскаго храма и б), храмы, росписи которыхъ служатъ выраженіемъ частнаго спеціальнаго назначенія даннаго храма: или выражаютъ идею посвященія храма опредѣленному угоднику Божію, или выражаютъ идею спеціальнаго церковно-практическаго назначенія храма, каковы баптистеріи (напримѣръ, равенскіе баптистеріи V в.) и мавзолеи (напримѣръ, мавзолей Галлы Плакиды V в.) Большинство перечисленныхъ храмовъ относится къ первой группѣ.

Памятники христіанской иконографіи, въ частности, фрески, и мозаики, находящіяся въ перечисленныхъ храмахъ служили предметомъ многочисленныхъ спеціальныхъ церковно-археологическихъ изслѣдованій. [1]) На

[1]) Таковы изслѣдованія знаменитыхъ западно-европейскихъ піонеровъ церковной археологіи Антоніо Бозіо и кавалера де Росси—Roma Sotterranea, изслѣдованія проф. Н. Красносельцева, проф. Н. Покровскаго (Очерки памятниковъ христіанской иконографіи", „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи" „Стѣнныя росписи древнихъ храмовъ греческихъ и русскихъ", и др.), митрополита Московскаго Макарія (Булгакова) „Описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ", Прохорова „Христіанскія древности и археологія", фонъ Фрикенъ „Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства", Преосвященнаго Христофора. „ Иконографія христіанская, какъ выраженіе древне-церковнаго вѣросозерцанія", Кондакова и И. Толстого, „Русскія древности" Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго), „Зографическая лѣтопись Аѳона", проф." академика Е. Е. Голубинскаго „Ист. рус. церкви"—вторая половина, Богословскаго И. Н. „Богъ—Отецъ въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства", Кондакова „Мозаики мечети Кахріэ Джами въ Константинополѣ", Крыжановскаго „Кіевскія Мозаики", Сахарова,—„Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи", Ровинскаго „Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца 17 в. и мн. др.

основаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ изслѣдованій, главнымъ образомъ, на основаніи сочиненія проф. Н. Покровскаго „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства“ можно систематизировать соотвѣтствующія церковно-археологическія данныя по вопросу о правильномъ расположеніи св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ. Для болѣе опредѣленнаго изложенія этихъ данныхъ, ихъ можно группировать примѣнительно къ тремъ главнымъ частямъ христіанскаго храма: алтарю (съ жертвенникомъ и діаконикомъ), средней части храма и притвору (внутреннему — νάρθυξ и внѣшнему, соотвѣтствующему современной паперти).

1.

Извѣстны священныя изображенія на алтарной стѣнѣ катакомбныхъ храмовъ, относящіяся ко II вѣку христіанства. Содержаніе этихъ изображеній, находящихся въ „комнатахъ таинствъ“ („сакраментальныя капеллы“) катакомбы Каллиста въ Римѣ, таково. „На стѣнѣ, находящейся прямо противъ двери (т. е. входной двери въ кубикулу) представлены слѣдующіе три сюжета: слѣва изображенъ треножникъ, на которомъ лежатъ хлѣбъ и рыба; женщина, стоя около этого треножника, простираетъ свои руки наподобіе молящейся („orante“), а человѣкъ, одѣтый въ pallium, простираетъ свою правую руку надъ треножникомъ, какъ пресвитеръ, священно-дѣйствующій на христіанскомъ алтарѣ“. [1]) Далѣе помѣщено изображеніе „трапезы апостоловъ“: „предъ ними на столѣ“ лежитъ рыба и хлѣбъ, а на землѣ, подлѣ стола видны восемь корзинъ“. [2]) Направо отъ описанныхъ священныхъ изображеній находится изображеніе Авраама въ тотъ мо-

[1]) Проф. Красносельцевъ: „Очерки древняго христіанскаго искусства по памятникамъ подземнаго Рима“.
[2]) Тамъ же.

ментъ, когда онъ готовъ принести въ жертву сына своего Исаака; овенъ и дрова, находящіеся тутъ же, не позволяютъ сомнѣваться въ значеніи изображенія". [1])

Всѣ три сюжета, находящіеся на „алтарной стѣнѣ" кубикулы (противъ входа, между двумя „гробами мучениковъ" (loci), служившими вмѣсто престола) символически изображаютъ таинство Евхаристіи: или въ моментъ его совершенія (первый сюжетъ), или въ моментъ его установленія (второй сюжетъ), или въ его прообразѣ (жертвоприношеніе Авраама).

Въ другомъ катакомбномъ храмѣ—въ криптѣ св. Агнессы—священныя изображенія „алтарной стѣны" отличаются отъ описанныхъ. Именно, въ криптѣ св. Агнессы на „алтарной стѣнѣ" находится изображеніе Пресвятой Богородицы и Предвѣчнаго Младенца въ Ея нѣдрахъ или изображеніе Знаменія Божіей Матери. [2])

На основаніи описанныхъ данныхъ изъ иконографіи катакомбныхъ храмовъ можно отмѣтить двѣ мысли, уясняющія содержаніе священныхъ изображеній въ первохристіанскомъ алтарѣ: а) въ алтарѣ помѣщались священныя изображенія относящіяся къ таинству Евхаристіи и б) изображенія Пресвятой Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ нѣдрахъ.

Алтарь надземныхъ древне-христіанскихъ храмовъ, какъ и храмовъ древне-русскихъ и современныхъ имѣлъ слѣдующія составныя части, служившія мѣстомъ для св. иконъ: центръ алтарнаго абсида (мѣсто восточной стѣны храма противъ царскихъ вратъ) б) стѣны на право и на лѣво отъ него, в) алтарный сводъ („конхи", „полукружіе"). г) западный фасъ алтарныхъ столповъ, и въ

[1]) Тамъ же.

[2]) Проф. Покровскій „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства".

большинствѣ случаевъ, д) жертвенникъ и е) діаконикъ.

Какія же священныя изображенія помѣщались въ каждой изъ отмѣченныхъ частей алтаря въ древне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмахъ?

Центръ алтарнаго абсида въ древне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмахъ служитъ мѣстомъ слѣдующихъ священныхъ изображеній. *Въ верхней его части* („лобъ алтарнаго абсида“) находятся изображенія: a) Пресвятой Богородицы (особенно—Знаменіе Божіей Матери и Богоматерь съ воздѣтыми молитвенно руками, какъ въ алтарномъ изображеніи Богоматери „Нерушимая Стѣна“, находящемся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ или b) Спасителя или c) „Деисисъ“ или d) Преображенія Господня или e) Знаменія Божіей Матери и Преображенія Господня и f) иногда (очень рѣдко) изображеніе храмового святого въ композиціи Преображенія Господня. a) Изображеніе Богоматери „во лбѣ алтарнаго абсида“ находится въ слѣдующихъ древнихъ византійскихъ и древне-русскихъ храмахъ: въ св. Софіи Константинопольской, Солунской, Кіевской, Новгородской, въ церкви св. Луки въ Фокидѣ, въ Дафни близъ Аѳинъ, въ церкви Богоматери (Maria in Porto) въ Равеннѣ, въ капеллѣ Венанція при баптистеріи Іоанна Латеранскаго въ Римѣ, въ Гелатскомъ монастырѣ близъ Кутаиса (устроенномъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ для царя Давида Возобновителя въ XI в.), въ въ церкви св. Марка въ Венеціи, въ церкви Кіево-Кирилловскаго монастыря, въ церкви Спаса въ Нередицахъ, въ церкви Спаса въ Полоцкѣ (воздвигнутой св. княгинею Евфросиніей), въ кавказской церкви въ Атолѣ, въ Успенской церкви села Волотова близъ Новгорода, въ церкви св. Николая въ Липнѣ, въ церкви св. Георгія въ Староладожской Рюриковой крѣпости и мн. др.

По словамъ авторитетнаго отечественнаго археолога, проф. Н. Покровскаго „въ храмахъ греческихъ и русскихъ 16 и 17 в. Богоматерь въ алтарной абсидѣ встрѣчается *постоянно*“. [1])

Не лишне упомянуть въ данномъ случаѣ объ одномъ современномъ русскомъ православномъ храмѣ, при устроеніи котораго приняты были въ соображеніе всѣ установленные наукою завѣты древняго церковнаго зодчества и иконографіи—храмѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. Въ этомъ храмѣ изучаемая часть алтарнаго абсида служитъ мѣстомъ для изображенія Пресвятой Богородицы (принадлежащаго кисти проф. Васнецова). Такимъ образомъ, изображеніе Богоматери въ верхней части центра алтарнаго абсида встрѣчается и въ древнихъ византійскихъ храмахъ, въ древнихъ западныхъ храмахъ (церковь св. Марка въ Венеціи) и въ древнихъ грузинскихъ храмахъ (церковь Гелатскаго монастыря) и въ древнихъ русскихъ храмахъ и даже въ наиболѣе замѣчательныхъ и связанныхъ узами исторической преемственности съ христіанскою древностью современныхъ русскихъ православныхъ храмахъ.

Какъ было замѣчено выше, наиболѣе распространенными сюжетами изображенія Богоматери во „лбѣ алтарнаго абсида“ являются: Знаменіе Божіей Матери и „Нерушимая Стѣна“, хотя встрѣчаются и другія многочисленныя иконографическія формы изображенія Богоматери.

Изображеніе Знаменія Божіей Матери въ памятникахъ древнихъ стѣнописей отличается значительною опредѣленностью композиціи. Варіанты состоятъ въ томъ, что изображеніе бываетъ или во весь ростъ

[1]) Покровскій „Очерки памятниковъ Хр. иконогр.“ 246.

(напримѣръ, въ церкви Спаса въ Нередицахъ), или поясное (большею частію).

Иконографическая композиція, извѣстная подъ именемъ „Нерушимой Стѣны", наиболѣе типично исполнена въ мозаикѣ Кіево-Софійскаго собора. На основаніи этого памятника древней византійско-русской мозаики возможно представить описаніе разсматриваемой композиціи.

Мозаическое изображеніе Богоматери, находящееся „во лбѣ алтарнаго абсида" Кіево-Софійскаго собора отличается колоссальнымп размѣрами (около семи аршинъ въ высоту) „Богоматерь изображена стоящею на ромбоидальномъ золотомъ подножіи, глава ея окружена нимбомъ и покрыта раззолоченнымъ покрываломъ, ниспадающимъ сзади и спереди. Нижняя одежда Богоматери состоитъ изъ лазурнаго хитона, опоясаннаго червленымъ поясомъ съ бѣлымъ платкомъ; обувь красная. Руки Богоматери воздѣты кверху и имѣютъ голубыя поручи, украшенныя крестами." [1]) Подобное изображеніе въ изучаемой части алтарнаго абсида находится въ Гелатскомъ монастырѣ близъ Кутаиса (XI в.). Иконографическая форма описаннаго изображенія Богоматери встрѣчается также на стѣнахъ катакомбныхъ древнехристіанскихъ храмовъ въ такъ называемомъ сюжетѣ „orante"—молящейся женщины съ воздѣтыми руками, иногда символически изображающей Пресвятую Богородицу.

Въ высшей степени важно установить смыслъ этого священнаго изображенія для рѣшенія вопроса о томъ, почему въ изучаемой части алтарнаго абсида находится въ большинствѣ двевне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмовъ изображеніе Богоматери. Проф. Кондаковъ,

[1]) Тамъ же 245.

устанавливая значеніе описанной иконографической формы, опредѣляетъ его, „какъ монументальное изображеніе всей церкви“. [1]) Дѣйствительно, катакомбныя изображенія „orante“, несомнѣнно, иногда символизируютъ церковь Христову. [2]) По мнѣнію г. Крыжановскаго „Нерушимая стѣна“—„есть изображеніе невещественнаго дома Софіи—Премудрости Божіей. [3]) Но болѣе основательное толкованіе разсматриваемаго изображенія можно установить путемъ анализа его наименованія. Обычное, наиболѣе распространенное объясненіе наименованія „Нерушимая Стѣна“ состоитъ въ томъ, что называемое этимъ именемъ изображеніе Богородицы, находящееся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, не смотря на многочисленныя бѣдствія, постигшія храмъ, осталось невредимымъ. Не соглашаясь съ этимъ объясненіемъ, проф. Н. Покровскій говоритъ: „вѣрнѣе думать. что величественное изображеніе на стѣнѣ, видимое въ храмѣ всѣми при низкомъ иконостасѣ, вызывало въ памяти довольно распространенное въ памятникахъ письменности сравненіе Богоматери съ твердынею“. [4]) Безспорно, такое толкованіе разсматриваемаго священнаго изображенія наиболѣе основательно и наиболѣе цѣнно, такъ какъ уясняетъ причину помѣщенія изображенія Богоматери въ центральной части алтарнаго абсида не только въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, но и во всѣхъ другихъ древнихъ храмахъ, гдѣ есть это изображеніе, равно какъ и изображеніе Знаменія Божіей Матери и изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ. Въ доказательство высказанной мысли можно отмѣтить нѣко-

[1]) „Византійск. церкви“ 28.
[2]) Красносельцевъ цит. соч.
[3]) Записки императорск. Археолог. общ. VIII 254.
[4]) Покровскій, цит. соч. 247.

торыя мѣста изъ акаѳиста Пресвятой Богородицѣ и изъ тропаря Знаменію Божіей Матери. „Радуйся царствія нерушимая стѣна“, „стѣна еси дѣвомъ Богородице Дѣво и всѣмъ къ Тебѣ прибѣгающимъ“ читаемъ въ акаѳистѣ Пресвятой Богородицѣ. „Яко необоримую стѣну и источникъ чудесъ, стяжавше Тя раби твои Богородице Пречистая“, поется въ тропарѣ Знаменію Божіей Матери. Приводимыя мѣста церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній уясняютъ не только причину наименованія описанной мозаики „Нерушимая Стѣна“, но и мотивы, по которымъ изображеніе Пресвятой Богородицы въ большинствѣ древне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмовъ (въ 16 и 17 в. постоянно) помѣщалось вверху („во лбѣ“) центральной части алтарнаго абсида. По вѣрованію православно-христіанской церкви, многократно высказанному въ церковныхъ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ, Пресвятая Богородица—„предстательство страшное и непостыдное“, „держава, стѣна и утвержденіе, нерушимая стѣна, стѣна необоримая, прибѣжище и покровъ рабомъ своимъ“. Особенно твердымъ это вѣрованіе было всегда въ Русской православной церкви. Успенскій соборъ въ Москвѣ, подъ кровомъ котораго хранилась колыбель будущей славы и мощи Великой Руси, называется въ лѣтописяхъ „домомъ Богородицы“. „Постоимъ за домъ Богородицы“—вотъ девизъ около котораго, по словамъ древне-русскихъ лѣтописей, объединялся молодой государственный организмъ Великой Руси при нашествіяхъ враговъ. Древнѣйшіе русскіе города, посѣщенныя благодатнымъ явленіемъ чудотворныхъ иконъ Знаменія Божіей Матери (Курскъ, Новгородъ)—именуютъ себя „градомъ Богородицы“ (сл. тропаря „миръ граду твоему даруй“).

Ясно, такимъ образомъ, что мотивомъ для помѣщенія въ главной части алтарнаго абсида древне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмовъ было вѣрованіе въ теплое, непостыдное ходатайство Богородицы за родъ человѣческій, особенно дѣйственное предъ престоломъ Божіимъ. Въ этомъ общецерковномъ вѣрованіи, по нашему крайнему разумѣнію, заключается главный, основной мотивъ для помѣщенія изображенія Богородицы въ изучаемой части алтарнаго абсида.

Можно также отмѣтить и другое толкованіе разсматриваемаго обычая древне-христіанской и древне-русской церкви. Основная идея св. алтаря, какъ составной части христіанскаго храма, опредѣляется понятіемъ о Евхаристіи. Алтарь-мѣсто совершенія Безкровной Жертвы, „горнее мѣсто безсмертныя трапезы". А въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Пресвятая Богородица называется „трапезой божественнаго уневѣщенія", какъ явившая міру Совершителя искупленія. Отсюда понятна внутренняя связь между идеей алтаря и изображеніемъ Богоматери.

б) Изображеніе Богоматери находится вверху центральной части алтарнаго абсида въ большинствѣ древне-христіанскихъ храмовъ, обслѣдованныхъ представителями церковной археологіи. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ храмовъ, взамѣнъ изображенія Богоматери „во лбѣ алтарной абсиды" находится изображеніе Господа Іисуса Христа.. Такое изображеніе находится въ храмѣ св. Пуденціаны въ Римѣ, гдѣ Спаситель изображенъ на тронѣ съ двумя Апостолами по сторонамъ и въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ, гдѣ Спаситель изображенъ среди Апостоловъ. По объясненію археологовъ, изображеніе Спасителя „въ лбѣ" алтарнаго абсида стоитъ въ тѣсной связи съ идеей алтаря-

мѣста совершенія Безкровной Жертвы и помѣщается здѣсь на томъ основаніи, что Христосъ есть „Самъ приносяй и приносимый“ въ таинствѣ Евхаристіи.

c) Иногда изображеніе Спасителя на тронѣ „въ лбѣ“ алтарнаго абсида осложняется изображеніями Богоматери и Іоанна Предтечи по сторонамъ—имѣетъ иконографическую форму, извѣстную подъ именемъ „деисисъ“ (моленіе). Такое изображеніе можно указать въ алтарномъ абсидѣ Спасо-Мирожскаго собора.

d) Сравнительно часто въ изучаемомъ мѣстѣ алтарнаго абсида встрѣчается изображеніе Преображенія Господня, напримѣръ, въ равеннской церкви св. Аполлинарія во Флотѣ, въ церкви св. Екатерины на Синайской горѣ. Мозаика Преображенія Господня, находящаяся въ алтарномъ абсидѣ церкви св. Аполлинарія относится къ 6 вѣку (534—538 г. г.), и имѣетъ характеръ полусимволическій. Содержаніе мозаики таково: „цвѣтущій лугъ и деревья оживляютъ весьма значительное пространство алтарной абсиды: среди этого ландшафта выдѣляется фигура епископа равенскаго Аполлинарія въ фелони, омофорѣ и нимбѣ съ воздѣтыми для молитвы руками, съ надписью „sanctusApollinarius“ около него поставлены 10 агнцевъ-символы апостоловъ. Вверху изображеніе Преображенія Господня: въ срединѣ въ кругломъ медальонѣ, усѣянномъ звѣздами, крестъ, въ центрѣ пересѣченія балокъ креста—небольшой медальонный образъ Спасителя, по сторонамъ поперечной балки—греческія буквы α и ω, по сторонамъ креста—Моисей и Илія,—первый въ видѣ молодого человѣка, второй въ видѣ старца. Вверху—рука изъ облака—символъ соизволенія Божія. Подъ крестомъ три агнца—символы апостоловъ Петра, Іакова

и Іоанна". [1]) Аналогична по исполненію мозаика Преображенія Господня (не имѣющая только символическаго элемента и слѣдовательно нѣсколько позднѣйшая) въ абсидѣ церкви св. Екатерины на Синайской горѣ.

Чѣмъ объяснить присутствіе въ изучаемой части алтарнаго абсида изображенія Преображенія Господня? Въ изслѣдованіяхъ археологовъ, описывающихъ вышеупомянутыя мозаики, нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ. Тѣмъ не менѣе, предположительно возможно намѣтить путь къ его рѣшенію. Такой путь можетъ указать отмѣченная выше идея христіанскаго алтаря, какъ мѣста совершенія таинства евхаристіи. Эта идея даетъ право поставить въ связь *пресуществленіе* хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы и событіе *Преображенія* Господня, когда человѣческая природа Іисуса Христа преобразилась и явила ученикамъ славу божества Спасителя:

e) Въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ храмовъ изучаемая часть алтарнаго абсида служатъ мѣстомъ для изображенія Знаменія Божіей Матери и Преображенія Господня. Такое расположеніе священныхъ изображеній находимъ въ Успенской церкви села Волотова близъ Новгорода.

f) Наконецъ, въ нѣкоторыхъ древнихъ храмахъ „во лбѣ алтарнаго абсида" находится изображеніе храмового святого въ композиціи Преображенія Господня. Примѣръ такого расположенія священныхъ изображеній можно указать въ вышеупомянутой и описанной мозаикѣ алтарнаго абсида равеннской церкви св. Аполлинарія.

Таковы данныя древней церковной иконографіи о священныхъ изображеніяхъ во „лбѣ алтарнаго абсида".

[1]) Покровскій цит. соч. 134.

Наиболѣе устойчивыми изъ находящихся здѣсь священныхъ изображеній являются *иконы Богородицы.*

Вверху по отношенію къ описанной части алтарнаго абсида, ближе къ алтарному своду въ древнихъ христіанскихъ храмахъ находятся слѣдующія священныя изображенія: а) крестъ (напримѣръ, въ храмѣ св. Пуденціаны въ Римѣ) вмѣстѣ съ символами евангелистовъ; б) агнецъ (символъ Спасителя), напр. въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ и в) изображеніе, извѣстное въ церковно-археологической наукѣ подъ именемъ „этимасіи" или „уготованія престола", напр. въ церкви св. Георгія въ Староладожской Рюриковой крѣпости. Помѣщеніе въ изучаемой части алтарнаго абсида изображеній св. креста и агнца—символа Спасителя не требуетъ объясненій. Въ данномъ случаѣ необходимо остановиться только на „этимасіи". Содержаніе этого иконографическаго сюжета можно описать на основаніи фресковыхъ изображеній Спасо-Мирожскаго собора и церкви св. Николая въ Липнѣ.

Въ „лбѣ алтарнаго абсида" Спасо-Мирожскаго собора, какъ было сказано выше, находится священное изображеніе, извѣстное подъ именемъ „деисисъ", т. е. изображеніе Спасителя на тронѣ съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Предтечею. Надъ этимъ изображеніемъ находится фреска „этимасіи". Надъ главою Спасителя помѣщено изображеніе *престола съ лежащею на немъ книгою и крестомъ*: это такъ называемая *„этимасія"* или *„уготованіе престола"*, какъ символъ присутствія Бога, особенно судіи и мздовоздаятеля". [1]) Въ поясненіе къ приведеннымъ словамъ археологическаго описанія „этимасіи", необходимо сказать слѣдующее.

[1]) Покровскій цит. соч. 278.

Изображеніе, извѣстное подъ этимъ названіемъ, представляетъ часть иконографической композиціи сюжета страшнаго суда. Въ памятникахъ, воспроизводящихъ эту композицію (напримѣръ, въ стѣнописяхъ Успенскаго собора во Владимірѣ) „этимасія“, какъ составная часть изображенія страшнаго суда, представлена болѣе подробно. „На престолѣ—евангеліе, восмиконечный крестъ съ тростію и копіемъ; у подножія креста сосудъ, въ которомъ, вѣроятно, находится кровь Распятаго Богочеловѣка, омывшая грѣхи міра; къ сосуду прикрѣплены вѣсы праведные; здѣсь же Адамъ и Ева въ колѣнопреклоненномъ положеніи, какъ виновники человѣческаго грѣхопаденія, вина которыхъ искуплена Распятымъ Спасителемъ; по сторонамъ престола—Богоматерь и Предтеча въ такомъ же точно положеніи, какъ обычно въ иконахъ деисиса, за ними—по одному ангелу съ жезлами и по одному евангелисту“.[1]) Полное изображеніе „этимасіи“, подобное описанной фрескѣ Успенскаго собора во Владимірѣ, составляетъ принадлежность изображенія страшнаго суда и въ алтарномъ абсидѣ не встрѣчается. Тѣмъ не менѣе, оно проливаетъ свѣтъ на сокращенное изображеніе того же сюжета, часто встрѣчающееся въ алтарѣ (напримѣръ, въ разсматриваемой фрескѣ Спасо-Мирожскаго собора и въ аналогичной фрескѣ церкви св. Николая въ Липнѣ) и не въ одной только изучаемой его части, какъ будетъ показано ниже. Мысль, содержащаяся въ изображеніи „этимасіи“, есть мысль о праведномъ судѣ Божіемъ, близко связанная съ православно-христіанскимъ ученіемъ о таинствѣ Евхаристіи и потому дающая право узаконить вы-

[1]) Тамъ же 301.

ражающій ее иконографическій сюжетъ въ алтарѣ—мѣстѣ совершенія Безкровной Жертвы. „*Ядый бо и піяй недостойнѣ судъ себѣ ясть и піетъ, не разсуждая тѣла Господня*“ (1 Кор. 11, 39). Вотъ первая точка соприкосновенія между идеей суда Божія и таинствомъ Евхаристіи. Таинство Евхаристіи тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ вѣрующихъ со Христомъ и, слѣдовательно, служитъ средствомъ оправданія на страшномъ судѣ Божіемъ—вотъ вторая мысль, соединяющая идею суда Божія и таинства Евхаристіи и опредѣленно выраженная въ полномъ изображеніи „этимасіи“ въ фрескѣ Успенскаго собора во Владимірѣ, описанной выше.

„Лобъ алтарнаго абсида“ и пространство, находящееся вверху его, ближе къ алтарному своду, исчерпываютъ верхнюю часть центра алтарнаго абсида. Какія священныя изображенія находятся въ срединѣ этой части и внизу ея въ древнихъ христіанскихъ храмахъ?

Въ срединѣ центральной части алтарнаго абсида съ удивительнымъ постоянствомъ и опредѣленностью въ большинствѣ наиболѣе замѣчательныхъ древнихъ христіанскихъ храмовъ встрѣчается неизмѣнно одно и тоже священное изображеніе. Это—„метадосисъ“ иначе „раздаяніе Спасителемъ евхаристіи“ или „божественная литургія, совершаемая Спасителемъ въ сослуженіи ангеловъ“. Этотъ иконографическій сюжетъ ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ изображеніемъ тайной вечери, какъ это обычно дѣлаютъ лица, поверхностно относящіеся къ памятникамъ церковной иконографіи. Правда, „метадосисъ“ имѣетъ несомнѣнное сходство съ изображеніемъ тайной вечери, имѣетъ несомнѣнную генетическую связь съ этимъ изображеніемъ, но при всемъ томъ, рѣзко отличается отъ этого изоб-

раженія по своей конструкціи и можетъ быть названъ не тайною вечерію, а литургическимъ переводомъ тайной вечери, имѣющимъ вполнѣ самостоятельную иконографическую форму, отличную отъ изображенія тайной вечери, которое, по обычаю древней церкви, полагалось внѣ алтаря (напр. на иконостасѣ).

„Метадосисъ“ въ изучаемой части алтарнаго абсида находится въ слѣдующихъ замѣчательнѣйшихъ древне-русскихъ храмахъ: св. Софіи Кіевской, Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря, Кіево-Кирилловскаго монастыря, Спасо-Нередицкой церкви, Спасо-Мирожскаго собора, церкви св. Георгія въ Староладожской Рюриковой крѣпости и др.

На основаніи фресковой и мозаической живописи этихъ храмовъ возможно описаніе разсматриваемаго иконографическаго сюжета. Наиболѣе замѣчательное изображеніе „метадосиса“ находится въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. „Ниже Богоматери (вышеописанная „Нерушимая Стѣна“) въ той же алтарной абсидѣ помѣщено мозаическое изображеніе тайной вечери *по литургическому переводу*. Въ центрѣ алтарной стѣны изображенъ престолъ, покрытый матеріей багрянаго цвѣта съ четырьмя золотыми наугольниками, съ бѣлыми и сѣрыми полосами, съ золотыми украшеніями въ видѣ круговъ и цвѣтовъ, образующихъ собою фигуру четвероконечнаго креста. На престолѣ изображены: золотой четвероконечный крестъ, дискосъ золотой съ частицами евхаристическаго хлѣба, звѣздица, губка, копіе въ видѣ небольшого ножа. Надъ престоломъ киворій... По сторонамъ престола стоятъ два ангела въ двойныхъ хитонахъ свѣтло-зеленомъ и сѣромъ, одинъ съ ораремъ, вьющіеся волосы ихъ украшены тороками; оба анге-

ла держатъ въ рукахъ золотыя, украшенныя дорогими камнями рипиды и, такимъ образомъ, представляютъ собою служащихъ діаконовъ. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ престола два раза изображенъ Спаситель въ золотомъ хитонѣ и голубомъ иматіи, съ крестообразнымъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, нимбомъ; оба изображенія Іисуса Христа почти совершенно сходны между собою. Съ лѣвой стороны (если стоять лицомъ къ абсиду) Спаситель держитъ въ правой рукѣ евхаристическій хлѣбъ; къ нему подходятъ шесть апостоловъ въ наклонномъ положеніи, съ обращенными къ Спасителю руками; а передній изъ нихъ ап. Петръ (древній типъ съ курчавою бородою и волосами) сложилъ руки точно такъ, какъ слагаютъ ихъ русскіе православные христіане для принятія священническаго благословенія. Всѣ апостолы одѣты въ хитоны, иматіи и сандаліи... Вверху надпись: λάβετε φάγετε τουτο εστιν το σωμα μου... Это причащеніе апостоловъ подъ видомъ хлѣба. Съ правой стороны изображенъ Спаситель съ чашею въ рукахъ, къ которой приближаются въ такомъ же видѣ, какъ и въ предыдущей половинѣ мозаики, другіе шесть апостоловъ съ ап. Павломъ во главѣ. Надпись вверху: Πιετε εξ αυτου παντες, τουτο εστιν το αιμα μοῦ... [1]).

Описанное изображеніе метадосиса, по своему происхожденію, какъ иконографическій сюжетъ, относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. „Композиція эта, говоритъ проф. Покровскій, дошла до насъ въ памятникѣ VI в.—въ миніатюрахъ Россанскаго евангелія, но она должна быть древнѣе по своему началу и этого памятника. Самый характеръ композиціи показываетъ,

[1]) Тамъ же 248—9.

что она должна была первоначально явиться въ церковныхъ стѣнописяхъ, какъ изображеніе, прямо навѣянное литургическими дѣйствіями, а отсюда уже могла перейти въ миніатюру". [1]) На основаніи этихъ словъ авторитетнаго археолога, можно съ увѣренностью предполагать, что „метадосисъ" имѣлъ мѣсто не только въ древне-русскихъ но и въ древнѣйшихъ христіанскихъ храмахъ (4—5 в.), иконографическіе памятники которыхъ не открыты наукой.

Содержаніе описаннаго священнаго изображенія такъ близко и тѣсно связано съ идеей христіанскаго алтаря, что говорить о мотивахъ его помѣщенія въ центрѣ алтарнаго абсида совершенно излишне. Изображенія св. апостоловъ, являющіяся необходимою составною частью описаннаго священнаго изображенія, находятся не только въ центральной части алтарнаго абсида, но занимаютъ и *стѣны* направо и на лѣво отъ центра, составляя *первый рядъ* священныхъ изображеній, покрывающихъ эти стѣны въ древнихъ христіанскихъ храмахъ.

Второй рядъ священныхъ изображеній, проходящій чрезъ все пространство стѣнъ алтарнаго абсида, составляютъ изображенія *святителей* (напримѣръ, въ Софіи Кіевской, Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, Спасо-Мирожскомъ соборѣ, Старо-ладожской церкви св. Георгія и др.)

Въ нѣкоторыхъ храмахъ изображенія святителей расположены на стѣнахъ алтарнаго абсида въ два ряда, образуя такимъ образомъ *третій рядъ* священныхъ изображеній, покрывающихъ эти стѣны (напримѣръ, въ Спасо-Нередицкой церкви).

---

[1]) Тамъ же 277.

Ближе къ „алтарнымъ столпамъ“ (между которымя обыкновенно помѣщается иконостасъ) на стѣнахъ алтаря въ древнихъ храмахъ находятся изображенія свв. діаконовъ, такъ какъ по требованію церковныхъ каноновъ діаконы должныя находиться у храмовыхъ дверей (см. фрески св. Софіи Кіевской).

Кромѣ описанныхъ изображеній, на алтарныхъ стѣнахъ древнихъ храмовъ встрѣчаются священныя изображенія изъ ветхаго и новаго завѣта, при чемъ верхняя часть служитъ мѣстомъ новозавѣтныхъ изображеній, а нижняя—ветхозавѣтныхъ. Такъ, въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ (6 в.) въ верхней части стѣнъ алтарнаго абсида, имѣющаго форму многогранника, помѣщены изображенія: а) Авеля и Мелхиседека, приносящихъ дары Богу (Авель—агнца, Мелхиседекъ—хлѣбъ) б) трапеза трехъ странниковъ, принятыхъ Авраамомъ (оба изображенія отмѣчаются евхаристическимъ характеромъ) и в) символы евангелистовъ (въ верхней части алтарныхъ стѣнъ).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ, составныхъ частей христіанскаго алтря, необходимо остановиться на *алтарныхъ столпахъ* и *алтарныхъ сводахъ* („конхи“, „полукружіе“).

На восточномъ фасѣ алтарныхъ столповъ въ древнихъ храмахъ большею частью помѣщались изображенія свв. діаконовъ (Спасо—Нередицкая церковь), или воскресеніе Христово и другіе праздники и чудеса (церковь св. Николая въ Липнѣ).

Алтарный сводъ („конхи“) въ древнихъ храмахъ занимаютъ слѣдующія священныя изображенія: а) голубя, какъ символа Духа Святаго (церковь св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ); б) сошествіе Св. Духа на апостоловъ (церковь св. Луки въ Фокидѣ) в) „Ветхій

деньми“—Іисусъ Христосъ (Спасо-Нередицкая церковь и г) „этимасіи“ (тамъ же).

Изъ перечисленныхъ священныхъ изображеній алтарнаго свода особенно замѣчательно по содержанію и знаменательно по положенію третье изображеніе—*„Ветхій деньми“—Спаситель.* Въ церкви Спаса въ Нередицахъ это изображеніе находится въ центрѣ алтарнаго свода. Описаніе его таково. „Въ зенитѣ алтарнаго свода изображенъ Іисусъ Христосъ *въ видѣ старца* съ сѣдою бородою и волосами; изображеніе это погрудное въ медальонѣ; Спаситель съ благословляющею десницею и свиткомъ въ шуйцѣ; глава Его украшена крестообразнымъ нимбомъ, въ которомъ написаны греческіе буквы о ων; по сторонамъ изображенія надпись:

ІС	ХС
ВЕТ	ДНЬ
ХЫ	МЪ
И	И

Надпись и аттрибуты изображенія ясно показываютъ, что здѣсь изображенъ именно Іисусъ Христосъ. Сѣдина въ Его волосахъ и бородѣ означаетъ, что здѣсь Іисусъ Христосъ представленъ, какъ Ветхій деньми, что прямо отмѣчено и въ надписи... Извѣстное пророчество Даніила *„престоли поставишася и ветхій деньми сѣде“* (Дан. VI, 9 ст. XIII, 22) истолковано здѣсь въ примѣненіи къ Сыну Божію, какъ истолковано оно и Отцами Московскаго Собора 166⁶/₇ г.“ [1]) Важно отмѣтить то обстоятельство, что продолженіемъ описаннаго изображенія въ алтарномъ сводѣ Спасо—Нередицкой церкви является изображеніе «этимасіи», помѣщенной къ сводѣ ближе „къ лбу алтарнаго абсида“. Топографическая связь обоихъ изображеній предполагаетъ единство мотивовъ помѣщенія ихъ въ алтарномъ сводѣ.

[1]) Покровскій цит. соч. стр. 129.

Въ составъ древне-христіанскаго алтаря входили соединенныя съ нимъ особыя помѣщенія жертвенника и діаконика. Памятники древней церковиой иконографіи даютъ слѣдующія указанія относительно священныхъ изображеній въ этихъ особыхъ помѣщеніяхъ.

Относительно расположенія св. иконъ въ особыхъ помѣщеніяхъ *жертвенника и діаконика* существуютъ хотя не многочисленныя, но въ высшей степени цѣнныя и содержательныя указанія церковно-археологическихъ памятниковъ. Такія указанія содержатъ фрески и мозаики, находящіяся въ жертвенникѣ и діаконикѣ церкви св. Николая въ Липнѣ, Спасо-Нередицкой церкви, Спасо-Мирожскаго собора, церкви Благовѣщенія Божіей Матери въ Городищѣ [1]) и друг. Въ сводѣ („конхи“) жертвенника въ Спасо-Нередицкой церкви находятся изображеніе Богоматери, а въ церкви св. Николая въ Липнѣ—изображеніе Знаменія Божіей Матери; на стѣнахъ жертвенника въ Спасо-Нередицкой церкви—изображенія святыхъ мужей; надъ дверями, ведущими изъ алтаря въ жертвенникъ церкви св. Николая въ Липнѣ—изображеніе Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Въ сводѣ діаконика Спасо-Мирожскаго собора находится изображеніе ангела съ жезломъ въ рукѣ; на стѣнахъ діаконика Спасо-Нередицкой церкви—изображенія святыхъ женъ; надъ дверями, ведущими изъ алтаря въ діаконикъ церкви св. Николая въ Липнѣ сохранились изображенія Срѣтенія Господня и Крещенія Господня.

Не смотря на то, что перковно-археологическія данныя о расположеніи св. иконъ въ жертвенникѣ и діаконикѣ не отличаются количественнымъ обиліемъ и

[1]) Въ послѣднемъ изъ названныхъ храмовъ, вслѣдствіе ветхости священныхъ изображеній жертвенника и діаконика, трудно установить ихъ содержаніе.

потому не даютъ права дѣлать на основаніи ихъ широкихъ обобщеній, можно съ увѣренностью сказать, что основныя черты вышеописаннаго расположенія св. иконъ въ жертвенникѣ и діаконикѣ являются типичными, тѣсно связанными съ идеей разсматриваемыхъ особыхъ помѣщеній. Жертвенникъ—мѣсто совершенія первой части божественной литургіи: проскомидіи. Исторически воспоминаемыя на проскомидіи событія суть первоначальныя событія земной жизни Спасителя. [1]) Символическое значеніе жертвенника—„вертепъ, идѣже родися Христосъ“. По этому въ жертвенникѣ естественно и необходимо изображеніе Пресвятой Дѣвы, „изъ нея же родися Христосъ“. И дѣйствительно, какъ видно изъ вышеприведенныхъ церковно-археологичеокихъ данныхъ, изображеніе Пресвятой Богородицы занимаетъ доминирующее положеніе въ жертвенникахъ древне-русскихъ храмовъ,—изображеніе Пресвятой Богородицы находится въ сводѣ жертвенника, изображеніе богородичнаго праздника находится надъ дверями, ведущими изъ алтаря въ жертвенникъ. Діаконикъ, „сосудохранилище“—есть мѣсто храненія церковныхъ сокровищъ, а въ древней церкви и святыхъ Даровъ. Въ тѣсной, внутренней связи съ идеей „храненія“ находится и изображеніе, помѣщающееся въ сводѣ діаконика—изображеніе ангела съ жезломъ въ рукѣ.

Содержаніе священныхъ изображеній, находящихся на стѣнахъ жертвенника и діаконика нѣкоторыхъ древнерусскихъ храмовъ, по мнѣнію авторитетныхъ представителей церковной археологіи, находится въ тѣсной связи съ литургическимъ назначеніемъ обоихъ особыхъ помѣщеній. Объ этой связи вполнѣ опредѣленно выска-

[1]) Прообразовательно, символически на проскомидіи воспоминаются послѣдніе дни земной жизни Спасителя.

зывается профессоръ Н. Покровскій по поводу стѣнописей жертвенника и діаконика Спасо-Нередицкой церкви. Какъ было отмѣчено выше, на стѣнахъ жертвенника въ названной церкви изображены св. мужи (въ томъ числѣ и св. апостолъ Іаковъ Алфеевъ), а на стѣнахъ діаконика—однѣ св. жены (муч. Христина, св. Екатерина, Агаѳія, Зиновія, Устинія и др. „Это распредѣленіе изображеній жертвенника и діаконика, говоритъ проф. Н. Покровскій, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что первый (жертвенникъ) никогда не былъ доступенъ для женщинъ; онъ есть мѣсто священнослужащихъ; наоборотъ—въ діаконикъ допускались и діакониссы“:[1]) Приведенное заключеніе авторитетнаго отечественнаго представителя церковной археологіи съ несомнѣнностью устанавливаетъ связь между расположеніемъ св. иконъ въ особыхъ помѣщеніяхъ жертвенника и діаконика и теоретическими предпосылками этого распредѣленія, основывавшагося на спеціальномъ назначеніи разсматриваемыхъ особыхъ помѣщеній въ литургической практикѣ. Равнымъ образомъ, приведенное заключеніе проф. Покровскаго, безспорно, проливаетъ свѣтъ и на самое назначеніе особыхъ помѣщеній жертвенника и діаконика въ литургической практикѣ древней церкви,—именно, положительно устанавливаетъ мысль о недоступности жертвенника для женщинъ и о доступности для нихъ діаконика. Эта весьма важная мысль имѣетъ для себя основанія не только въ памятникахъ древней церковной иконографіи, но и въ источникахъ древнерусскаго церковнаго права. Какъ на одно изъ наиболѣе цѣнныхъ основаній послѣдняго рода, можно указать на постановленіе стоглаваго сбора 1551 г. „О жертвенницѣ

[1]) „Очерки памятниковъ правосл. иконографіи“ стр. 272.

и о кутейницѣ (т. е. діаконикѣ“). [1]) Какъ видно изъ этого постановленія, діаконикъ былъ въ древне-русской церкви (особенно—„въ Новгородѣ и во Псковѣ“) не только „сосудохранилищемъ“ (Типиконъ), не только секретаріумомъ, но и „кутейникомъ“,—мѣстомъ, куда приносилась „кутья“, „канунъ“ и гдѣ совершались паннихиды для частныхъ лицъ („вселенскія“ паннихиды не совершались въ діаконикѣ). Эта черта литургическаго назначенія діаконика—„кутейника“ вполнѣ гармонируетъ съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ проф. Покровскаго о доступности діаконика для женщинъ и, даже болѣе того, даетъ основаніе продолжить мысль, проф. Покровскаго и сказать, что діаконикъ былъ доступенъ не только для діакониссъ или лицъ замѣнившихъ ихъ въ позднѣйшее время, но и для всѣхъ вообще женщинъ-членовъ православной церкви во время совершенія по ихъ просьбѣ паннихидъ.

Заканчивая изложеніе церковно-археологическихъ данныхъ о расположеніи св. иконъ въ алтарной части храма, необходимо упомянуть объ алтаряхъ придѣльныхъ храмовъ. Какъ всѣ вообще части придѣльныхъ храмовъ, такъ и алтарная часть этихъ храмовъ въ содержаніи находящихся въ ней священныхъ изображеній значительно осложняется сюжетами изъ жизни храмового святого (см. фрески придѣльныхъ алтарей Кіево-Софійскаго собора).

2.

При изложеніи церковно-археологическихъ данныхъ о размѣщеніи св. иконъ въ *средней части храма*, въ цѣляхъ ясности и опредѣленности изслѣдованія, необходимо систематизировать свидѣтельства древнихъ иконографическихъ памятниковъ примѣнительно къ наиболѣе

[1]) см. Стоглавъ.

выдающимся мѣстамъ этой части храма. Такими мѣстами являются: а) алтарная преграда (иконостасъ) б) куполъ, в) паруса храмовыхъ сводовъ, г) храмовые своды, д) арки, е) стопы, ж) ниши надъ окнами, з] сѣверная стѣна, і) южная стѣна и) западная стѣна.

а) Относительно расположенія священныхъ изображеній на алтарной преградѣ (иконостасѣ) нѣтъ нужды излагать церковно-археологическія свѣдѣнія, такъ какъ содержаніе священныхъ изображеній въ каждомъ „ярусѣ“ иконостаса вполнѣ опредѣлено и устойчиво въ обычной практикѣ современной русской православной церкви.

б) Размѣщеніе св. иконъ *въ куполѣ* древне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмовъ отличается значительною опредѣленностью. *Зенитъ купола* обычно служитъ мѣстомъ для изображенія Христа Спасителя—Господа Вседержителя или, какъ обычно называется это изображеніе, Пантократора. Среди памятниковъ эпохи иконографическаго символизма въ древнѣйшемъ катакомбномъ храмѣ Домициллы встрѣчаемъ такое именно изображеніе въ соотвѣтствующей куполу центральной части храмового свода, только изображеніе Господа Вседержителя, согласно общему характеру эпохи, имѣетъ характеръ символическій: Спаситель изображенъ подъ символомъ Орфея. Въ упоминавшихся ранѣе „сакраментальныхъ капеллахъ“ („комнатахъ таинствъ“) катакомбы Каллиста центръ храмового свода занимаетъ изображеніе Господа Вседержителя подъ символомъ Добраго Пастыря. Изображеніе Пантократора въ зенитѣ купола находится во всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ храмахъ послѣдующаго времени: въ храмѣ св. Софіи Солунской, св. Георгія въ Солуни, св. Лукп въ Фокидѣ, въ Дафни близъ Аѳинъ, св. Марка въ Венеціи, въ св. Софіи Константинопольской, въ св. Софіи Новгородской, въ Спасо-Нередицкой

церкви (1198 г.) Спасо-Мирожскимъ соборѣ, въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ, въ церкви св. Николая въ Липнѣ, въ церкви на Нерли (1165 г.) и мн. др.

При сравнительномъ однообразіи въ исполненіи разсматриваемаго иконографическаго сюжета, обычно встрѣчающагося въ зенитѣ купола древнихъ христіанскихъ храмовъ, можно отмѣтить нѣкоторые варіанты. Иногда Спаситель изображается стоя (церковь св. Софіи Солунской), иногда на тронѣ (Спасо-Мирожскій соборъ), иногда на радугѣ (церковь св. Георгія въ Старой Ладогѣ), иногда въ кругѣ, поддерживаемомъ ангелами (св. Софія Солунская), иногда изображеніе Спасителя окружается ореоломъ и звѣздами (Спасо - Мирожской соборъ).

Для уясненія характера древнихъ изображеній Спасителя въ зенитѣ купола можно привести археологическое описаніе нѣкоторыхъ соотвѣтствующихъ фресковыхъ и мозаичныхъ изображеній. „Въ зенитѣ купола Спасо-Мирожскаго собора изображенъ Іисусъ Христосъ сидящимъ на тронѣ съ благословляющею десницею и съ книгою въ шуйцѣ; вокругъ него звѣзды и блестящій, ореолъ, поддерживаемый 8 ангелами“. [1]) „Въ куполѣ Староладожской Георгіевской церкви сохранилось изображеніе Спасителя на блестящей радугѣ, въ кругѣ, означающимъ небесныя сферы, съ благословляющею десницею и со свиткомъ въ шуйцѣ. Кругъ, въ которомъ, заключено изображеніе Спасителя, поддерживаютъ 8 ангеловъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ“ [2])

Ниже зенита, въ „трибунѣ“ купола древне-христіанскихъ и древне-русскихъ храмовъ обычно находится слѣдующія изображенія: Богоматери, Іоанна Крестителя

[1]) Проф. Покровскій, цит. соч. 278.
[2]) Тамъ-же стр. 287

(иногда), апостоловъ и пророковъ. Въ баптистеріи древняго равенскаго мавзолея Галлы Плакиды въ „трибунѣ“ купола находятся изображенія св. апостоловъ, въ церкви св. Георгія въ Солуни—апостоловъ и 13 святыхъ, въ Софіи Солунской—Богоматери и апостоловъ, въ церкви св. Луки въ Фокидѣ—изображенія Богоматери, Іоанна Предтечи, 4 апостоловъ и пророковъ, въ церкви св. Марка въ Венеціи—изображенія Богоматери, Давида, Соломона и 11 пророковъ, въ св. Софіи Кіевской—изображенія архангеловъ и апостоловъ, въ св. Софіи Новгородской—изображенія архангеловъ и пророковъ, въ Спасо-Нередицкой церкви—апостоловъ и пророковъ, въ Спасо-Мирожскомъ соборѣ—изображенія 16 лицъ —Богоматери, Іоанна Крестителя, 12 апостоловъ и пророковъ, въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ—Богоматери, 12 апостоловъ и пророковъ, въ церкви св. Николая въ Липнѣ и въ Успенской церкви села Волотова—ангелы и пророки.

Почти во всѣхъ перечисленныхъ храмахъ священныя изображенія купола расположены такъ, что представляютъ собою осуществленіе одной обширной композиціи —*Вознесенія Господня*. Данныя для утвержденія этой особенности расположенія св. иконъ въ куполѣ древнихъ храмовъ таковы: 1) въ числѣ св. иконъ, находящихся въ куполѣ древнихъ храмовъ почти неизмѣнно встрѣчаются изображенія Спасителя и св. апостоловъ, т. е. главныя изображенія изъ иконографическаго сюжета Вознесенія Господня; 2) расположены эти изображенія въ такомъ отношеніи между собою, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ сюжету Вознесенія Господня: выше—въ зенитѣ купола—изображеніе Спасителя, ниже—близко къ зениту купола въ „трибунѣ“—св. апостолы; 3) во многихъ изъ перечисленныхъ храмовъ фигуры св. апосто-

ловъ, изображенныхъ въ трибунѣ купола, обращены по направленію къ Спасителю, изображенному въ зенитѣ купола. Послѣдняя особенность разсматриваемыхъ изображеній наиболѣе замѣтна въ храмѣ св. Софіи въ Солуни (VI вѣка) „въ центрѣ купола этого храма изображенъ былъ кругъ, поддерживаемый мозаическими ангелами, а въ срединѣ круга Спаситель, возносящійся на небеса—отъ изображенія Спасителя уцѣлѣли только части ногъ и иматія. Нѣсколько ниже этого изображенія—Богоматерь съ воздѣтыми руками (оранта) и по сторонамъ Ея два ангела, изъ которыхъ одинъ лѣвою рукою указывалъ вверхъ на Спасителя; мысль этого жеста здѣсь выражена греческою надписью: ανδρες γαλιλαιοι τι εστικατε εμβλεπτοντες εις τον ουρανον... Еще ниже въ барабанѣ купола изображены двѣнадцать апостоловъ съ книгами и свитками: нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ вверхъ, другіе сохраняютъ спокойное выраженіе. *Основная мысль этого изображенія ясна: оно представляетъ вознесеніе Іисуса Христа на небо*; ангелъ разъясняетъ изумленнымъ апостоламъ, что Іисусъ Христосъ впослѣдствіи времени явится апостоламъ во второй разъ. *Идея эта проходитъ и въ нашей древне-русской росписи нуполовъ*“ [1]) Такимъ образомъ, несомнѣнно, что священныя изображенія купольной части храма по своему составу и расположенію представляютъ осуществленіе иконографической композиціи Вознесенія Господня. При этомъ необходимо замѣтить, что вышеупомянутыя священныя изображенія, представляющія въ своей совокупности осуществленіе композиціи Вознесенія Господня, не могутъ быть названы *изображеніемъ* Вознесенія Господня, *полнымъ* осуществленіемъ композиціи. Среди памятниковъ древней церковной иконографіи можно указать

[1]) цит. соч. стр. 140.

нѣсколько примѣровъ, когда священныя изображенія, занимая значительное пространство, отличаясь очевидной сложностью композиціи, представляютъ полное, точное осуществленіе опредѣленнаго иконографическаго сюжета. Таковы, напримѣръ, многочисленныя древне-русскія фрески Страшнаго Суда занимающія *всю* западную стѣну храма. Несмотря на сложность исполненія, фрески эти могуть быть названы въ собственномъ смыслѣ изображеніями Страшнаго Суда. Относительно священныхъ изображеній купола нельзя высказать аналогичнаго утвержденія. Отдѣльныя лица—составныя части росписи купола, безспорно, не всегда изображены въ такомъ очевидномъ отношеніи къ центральному изображенію купола, какъ это наблюдается въ храмѣ св. Софіи Солунской; необходимыхъ принадлежностей сюжета Вознесенія—Элеонской горы и др. въ росписяхъ купола нѣтъ; Спаситель далеко не всегда изображается возносящимся—большею частью Онъ изображается сидящимъ на тронѣ; въ купольныхъ росписяхъ есть лица, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ сюжету Вознссенія—пророки, св. мужи. Слѣдовательно древняя роспись купола не есть полное осуществленіе композиціи Вознесенія, а есть самостоятельная, исторически образовавшаяся иконографическая композиція, имѣющая въ своей основѣ *идею* Вознесенія Господня. Эта *идея*, какъ говоритъ профессоръ Покровскій, „проходитъ въ нашей древне-русской росписи куполовъ".

Почему-же эта идея нормами обычнаго церковнаго права пріурочена къ росписи куполовъ? Въ церковно-археологическихъ изслѣдованіяхъ не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ. Предположительно его можно рѣшить такъ. Какъ будетъ показано ниже, священныя изображенія средней части храма осуществляютъ идею земной,

воинствующей церкви Христовой и Спаситель въ зенитѣ купола изображается, какъ Глава церкви, не только небесной, *но и земной.*

По нашему крайнему разумѣнію, изображеніе Вознесенія Господня наиболѣе основательно выражаетъ идею главенства Спасителя въ церкви земной: 1) въ моментъ Вознесенія Спаситель является присутствующимъ въ земной церкви видимо; 2) Вознесеніе на небо, по толкованію св. отцевъ,—одно изъ доказательствъ божества Сына Божія, 3) а слѣдовательно и Его главенства въ церкви, 4) съ событіемъ Вознесенія связана „радость обѣтованія св. Духа", силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Котораго осуществляется единеніе тѣла Христова-Церкви возглавляемой Спасителемъ.—Христосъ Спаситель невидимо управляетъ своею церковью черезъ благодать св. Духа, одушевляющую церковныхъ учителей, дающую силу тайносовершителямъ наставляющую церковныхъ правителей.

б) *Ниже купола—„въ парусахъ храмовыхъ сводовъ"* встрѣчается три категоріи священныхъ изображеній: серафимы, праздники и евангелисты. Изображеніе серафимовъ въ парусахъ храмовыхъ сводовъ находится въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ. Изображеніе праздниковъ—въ церкви св. Луки во Фокидѣ (Благовѣщеніе, Рождество Христово, Крещеніе и Срѣтеніе) и въ Дафни близъ Аѳинъ (Благовѣщеніе, Рождество Христово, Крещеніе, Преображеніе). Изображеніе евангелистовъ въ парусахъ храмовыхъ сводовъ наиболѣе распространено. Оно находится въ церкви св. Марка въ Венеціи, въ Спасо-Нередицкой церкви, Спасо-Мирожскомъ соборѣ, церкви св. Николая въ Липнѣ, въ Успенской церкви села Волотова. Мотивъ помѣщенія въ парусахъ храмовыхъ сводовъ изображенія евангели-

стовъ проф. Покровскій уясняетъ такъ: „посредствомъ 4 евангелій распространено ученіе Христа по всѣмъ 4 странамъ свѣта—по этому и въ 4 парусахъ храмовыхъ сводовъ помѣщается изображеніе 4 евангелистовъ".

г) На храмовыхъ сводахъ въ большинствѣ древнихъ храмовъ помѣщаются изображенія евангельскихъ событій. Такъ, въ Спасо-Нередицкой церкви въ *сѣверномъ* склонѣ свода находится изображеніе воскрешенія Лазаря и Воскресенія Христова, въ Спасо-Мирожскомъ соборѣ въ *восточномъ* склонѣ свода—Преображеніе, въ *южномъ* склонѣ свода Старо-Ладожской Георгіевской церкви—Срѣтеніе Господне.

Въ нѣкоторыхъ древнихъ храмахъ, напримѣръ, въ мавзолеѣ Галлы Плакиды сводъ представляетъ небо, усѣянное звѣздами.

д) Надъ *арками* въ древнихъ храмахъ изображались ветхозавѣтныя событія (церковь св. Маріи Великой и Палатинская капелла въ Римѣ). На аркахъ, въ центрѣ ихъ встрѣчаются слѣдующія изображенія: *на восточной аркѣ*—„этимасія" („уготованіе престола") (Софія Константинопольская), агнецъ съ крестомъ (церковь Марка въ Венеціи), деисисъ, (Софія Кіевская), Эммануилъ (Спасо-Мирожскій соборъ), кисть руки—символъ присутствія Божія (Успенская цер. села Волотова). *На западной аркѣ*: Богоматерь (Спасо Мирожскій соборъ), Преображеніе Господне, воскрешеніе Лазаря (Успенская церковь села Волотова) *На сѣверной аркѣ*: Спасо-Мирожскаго собора изображенъ архангелъ. На аркахъ церкви св. Николая въ Липнѣ изображены: деисисъ пророки и св. воины. *На ребрахъ арокъ*—Нерукотворенный Образъ (Спасо-Нередицкая церковь). *На спускахъ арокъ*—св. праведники (Спасо-Мирожскій соборъ).

е) *На столпахъ* храма обычно встрѣчаются изображенія св. угодниковъ. Такъ на столпахъ Успенской церкви села Волотова изображены: св. Іоаннъ Лѣствичникъ, св. Евфимій, св. Варлаамъ, св. Іоасафъ, св. Никита и св. Ѳеодоръ. На западномъ фасѣ *алтарныхъ столповъ*, до появленія иконостаса, изображалось Благовѣщеніе Божіей Матери (Кіево-Кирилловскій монастырь. Спасо-Мирожскій соборъ).

ж) *Въ нишахъ надъ окнами* въ храмѣ св. Софіи Цареградской изображены: въ верхнихъ нишахъ св. апостолы, а въ нижнихъ святители, какъ носители свѣта Христова ученія.

з) *На сѣверной стѣнѣ храма* обычно встрѣчаются изображенія новозавѣтныхъ событій и св. угодниковъ Божіихъ. Въ Кіево-Софійскомъ соборѣ на сѣверной стѣнѣ сохранились древнія фрески: подъ сводами—Христосъ Спаситель предъ первосвященникомъ, св. апостолъ Петръ у костра, ниже—сошествіе Спасителя во адъ и явленіе мироносицамъ. Въ Спасо-Нередицкой церкви между алтарнымъ и среднимъ столпомъ—Введеніе, Срѣтеніе, надъ окнами—св. апостолы, выше—Распятіе, въ Спасо-Мирожскпмъ соборѣ—Распятіе, исцѣленіе слѣпого, ниже—положеніе во гробъ, Христосъ на судѣ у первосвященника... Въ церкви св. Николая въ Липнѣ—Срѣтеніе, снятіе со креста, положеніе во гробъ, бесѣда съ Самарянкою и святители. Въ Успенской церкви села Волотова—Успеніе, Распятіе, положеніе во гробъ, сошествіе во адъ и Вознесеніе; внизу—бюстовыя изображенія святыхъ.

і) *На южной стѣнѣ* также встрѣчаются преимущественно новозавѣтныя событія—увѣреніе Ѳомы, (Софія Кіевская, Спасо-Мирожскій соборъ), Крещеніе (Спасо-Нередицкая церковь), посланіе св. Апостоловъ на проповѣдь и др.

и) *На западной стѣнѣ* въ древнихъ храмахъ обычно изображался Страшный Судъ (Успенскій соборъ во Владимірѣ, Кіево Кирилловскій монастырь, Спасо-Нередицкая церковь, Георгіевская церковь въ Старой Ладогѣ и др.) Иногда Страшный Судъ на западной стѣнѣ храма замѣнялся другими изображеніями—Знаменія Божіей Матери (Успенская церковь села Волотова), Сошествія св. Духа (Спасо-Мирожскій соборъ) и др.

3.

„Стѣнописи притвора XVII в., говоритъ профессоръ Покровскій имѣютъ характеръ смѣшанный: однѣ изъ нихъ относятся къ евангелію, другія—къ прославленію Богоматери, третьи характера возвышенно поучительнаго".

Такимъ же смѣшаннымъ характеромъ отличаются стѣнописи притвора и въ болѣе раннихъ христіанскихъ храмахъ. Тѣмъ не менѣе на основаніи церковно-археологическихъ памятниковъ можно установить нѣкоторую закономѣрность въ расположеніи священныхъ изображеній притвора. Доминирующими изображеніями притвора являются изображенія событій евангельской исторіи (Μονὴ τῆς χώρας близъ Константинополя—нынѣ Кахріэ-Джами, церковь св. Луки въ Фокидѣ и въ Дафни близъ Аѳинъ, Успенская церковь села Волотова и др.) При этомъ во внутреннемъ притворѣ—нарѳиксѣ—преобладаютъ событія изъ жизни Богоматери, а во внѣшнемъ соотвѣтствующемъ теперешней паперти.—событія изъ жизни Спасителя (Кахріэ Джами). Иногда въ притворѣ помѣщались изображенія „деисисъ" и Благовѣщеніе Божіей Матери (Аѳоноватопедскій монастырь). Иногда среди стѣнописей притвора встрѣчаются изображенія „поучительнаго характера", какъ выражается профессоръ

Покровскій. Такъ въ Успенской церкви села Волотова въ сводѣ притвора изображены: „Похвала Пресвятой Богородицы“, „лѣствица духовная“ и „Премудрость созда себѣ домъ“. Надъ дверями притвора въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ помѣщены изображенія Спасителя: одно надъ дверями, ведущими изъ внѣшняго притвора во внутренній, а другое—надъ дверями, ведущими изъ внутренняго притвора въ среднюю часть храма. Надъ дверями, ведущими во внѣшній притворъ въ древнихъ храмахъ, помѣщается такъ же изображеніе Спасителя (церковь св. Констанцы въ Римѣ, мавзолей Галлы Плакиды, церковь св. Софіи въ Константинополѣ).

В.

Изложенныя выше церковно-археологическія данныя съ несомнѣнностью устанавливаютъ закономѣрность размѣщенія св. иконъ въ древне-христіанскихъ и древнерусскихъ храмахъ. Уже анализъ содержанія древнихъ храмовыхъ стѣнописей приводитъ къ заключенію о строгомъ соотвѣтствіи ихъ той части храма, въ которой они обычно помѣщаются. Толкованія символическаго значенія христіанскаго храма, предлагаемыя древними литургистами и канонистами, еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ соотвѣтствіи и, такимъ образомъ, устанавливаютъ *идейныя основы* вышеописаннаго обычнаго порядка размѣщенія св. иконъ въ древнихъ храмахъ, По толкованію св. отцовъ и учителей церкви, символическое значеніе христіанскаго храма таково. Храмъ „есть образъ міра, состоящаго изъ существъ невидимыхъ и видимыхъ; алтарь—символъ первыхъ, средняя часть—вторыхъ; въ то же время эти части составляютъ нераздѣльное единство“ [1]) „Алтарь, говоритъ св. Симеонъ Солунскій, символъ пренебесныхъ и горнихъ

[1]) Писанія отцевъ и учит. церкви 1, 304—305: ср. Покровскій, цит. соч. 308.

обителей, гдѣ находится и престолъ невещественнаго Бога; храмъ (средняя часть) образуетъ этотъ видимый міръ: верхнія части его видимое небо, нижнія—то, что находится на землѣ и самый рай; внѣшнія же части (притворъ) — самыя нижайшія части земли... [1]) По вопросу о символическомъ значеніи средней части храма въ твореніяхъ древнихъ канонистовъ высказывается такое воззрѣніе: „верхъ церковный—глава Господня, главу бо церковную держитъ Христосъ, шею —апостолы, пазухи—евангелисты, а поясъ—праздники, двери же ко алтарю—образъ Спасовъ“. [2]) Таково символическое значеніе христіанскаго храма по воззрѣнію древнихъ литургистовъ и канонистовъ. На этомъ значеніи основывается и въ немъ черпаетъ силу вышеописанный строго опредѣленный въ основныхъ своихъ чертахъ обычный порядокъ размѣщенія св. иконъ въ древнихъ храмахъ. Изображенія Богоматери, метадосиса и „Ветхаго денми“—Спасителя, помѣщаемыя обычно въ алтарѣ древнихъ храмовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ, какъ символическому значенію алтаря, такъ и его литургическому назначенію. „Изображеніе святителей въ алтарѣ занимаетъ вполнѣ подобающее мѣсто: они ближайшіе преемники апостоловъ, имъ принадлежитъ заслуга приведенія въ стройный порядокъ литургій; алтарь во время священнослуженія составляетъ мѣсто епископовъ, какъ намѣстниковъ Христа, преимущественно предъ другими іерархическими лицами. Святымъ діаконамъ, какъ служащимъ епископамъ, отводится также мѣсто въ алтарѣ, преимущественно возлѣ алтарныхъ входовъ, наблюденіе за которыми лежало на ихъ обязанности. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ небесную церковь“. [3])

[1]) и [2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

Средняя часть храма—церковь земная. Глава церкви—Христосъ, а ~~но~~ потому Онъ изображается въ куполѣ. Церковь предвозвѣщена пророками, утверждена апостолами, а потому они и помѣщаются близъ Спасителя; посредствомъ 4 евангелій распространено ученіе Христово по всѣмъ 4 странамъ свѣта, отсюда въ 4 парусахъ сводовъ—евангелисты. Распространенію и утвержденію церкви Божіей на землѣ много содѣйствовало мученичество и подвижничество, а потому на столпахъ церкви и отчасти на стѣнахъ изображаются мученики, столпники и др., бывшіе живыми столпами церкви Христовой". [1]) „Сущность вѣроученія церкви заключается въ евангеліяхъ, слѣдовательно, изображеніе на стѣнахъ храма евангельскихъ событій служитъ наглядным выраженіемъ этой вѣры. Какъ выраженіе скончанія земной церкви и вмѣстѣ какъ поучительная картина, на западной стѣнѣ изображается страшный судъ". [2])

И такъ, опредѣленный порядокъ размѣщенія св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ, равно какъ и устройство особыхъ помѣщеній для жертвенника и діаконика, имѣетъ твердыя основанія въ практикѣ древне-христіанской и древне-русской церкви, а также и въ церковномъ воззрѣніи на символическое значеніе и литургическое назначеніе всѣхъ частей христіанскаго храма. Особыя помѣщенія для жертвенника и діаконика и опредѣленный порядокъ размѣщенія св. иконъ въ храмѣ и алтарѣ на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ *должны быть признаны завѣтами древняго церковнаго зодчества и иконографіи.*

Преподаватель Курской Духовной Семинаріи
Георгій Булгаковъ.

[1]) и [2]) см. цит. соч.